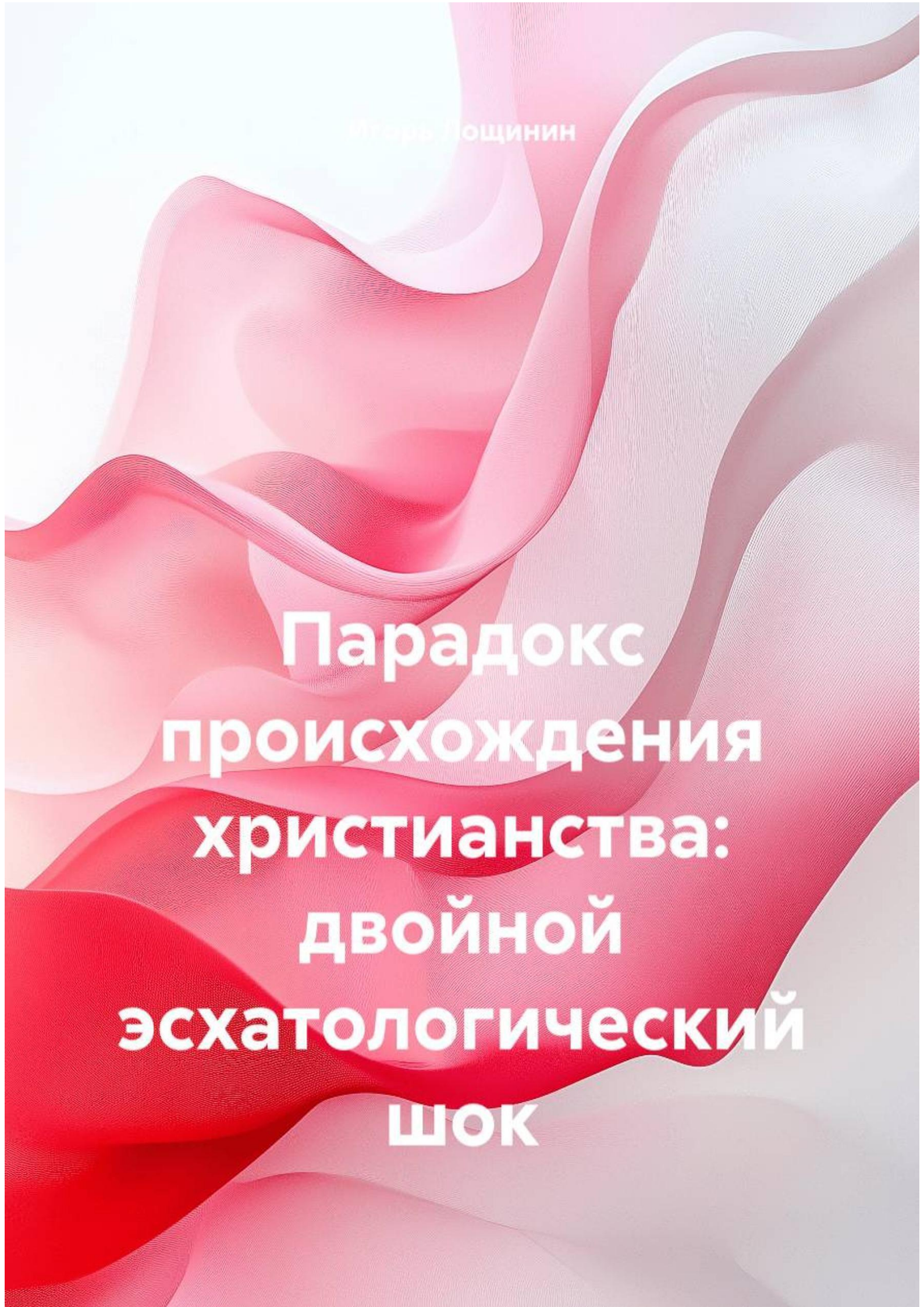

Игорь Лощинин

**Парадокс
происхождения
христианства:
двойной
эсхатологический
ШОК**

Игорь Лощинин

**Парадокс происхождения
христианства: двойной
эсхатологический шок**

«Автор»

2026

Лощинин И.

Парадокс происхождения христианства: двойной эсхатологический шок / И. Лощинин — «Автор», 2026

Христианство родилось не из гладкого развития идеи, а из преодоления двух катастроф — двойного эсхатологического шока. Первый, Шок Приближения Царства Божьего, был вызван проповедью Иисуса Христа, призывавшей порвать с ценностями земного мира в ожидании скорого его преобразования. Причиной второго стал Шок Столкновения с историей — экзистенциальный кризис верующих, столкнувшихся с продолжающимся ходом времени и биологической смертью поколения, так и не дождавшегося Второго пришествия. Книга представляет собой попытку заглянуть из XXI века в истоки христианской религии, чтобы понять, как все происходило «на самом деле», и как страстная эсхатологическая Весть Христа, чтобы выжить, парадоксально переродилась в безжалостную государственную машину.

© Лощинин И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 9.	50
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Игорь Лощинин

Парадокс происхождения христианства: двойной эсхатологический шок

Парадокс происхождения христианства: двойной эсхатологический шок

Аннотация:

Христианство родилось не из гладкого развития идеи, а из преодоления двух катастроф — двойного эсхатологического шока. Первый, Шок Приближения Царства Божьего, был вызван проповедью Иисуса Христа, призывавшей порвать с ценностями земного мира в ожидании скорого его преобразования. Причиной второго стал Шок Столкновения с историей — экзистенциальный кризис верующих, столкнувшихся с продолжающимся ходом времени и биологической смертью поколения, так и не дождавшегося Второго пришествия.

Книга представляет собой попытку заглянуть из XXI века в истоки христианской религии, чтобы понять, как все происходило «на самом деле», и как страстная эсхатологическая Весть Христа, чтобы выжить, парадоксально переродилась в безжалостную государственную машину.

Содержание

Часть I. Иисус из Назарета — пророк Апокалипсиса

Глава 1. Палестина начало I века. Мессианские чаяния

Глава 2. Исторический Иисус как апокалиптический пророк „Сын Человеческий“

Отличие взглядов Иисуса Христа от традиционных

Глава 3. Первый эсхатологический шок „Родовые муки“ вступления Царства Божьего Распятие- точка абсолютного Шока

Глава 4. Чем окончился Первый эсхатологический шок История Анании и Сапфиры

Глава 5. Второй эсхатологический шок Как община вышла из Второго эсхатологического шока

Глава 6. «Распятый Мессия»: «Сын Человеческий» или «Раб Божий»? Как появилась идея о „Распятом Мессии“

Гипотеза Швейцера-Иеремиаса
Пасхальный «когнитивный диссонанс»
Иллюзия совпадения
Маккавейская альтернатива
Как возникла жертвенная концепция Голгофы

Глава 7. Виртуальный «круглый стол» библеистов: Эсхатология и Царство Божие в проповеди Иисуса Христа

Часть II. Апостолы: "Кто пойдет умирать за ложь?"

Глава 8. Апостол Петр

Глава 9. **Апостол Иоанн Богослов**
Евангелие от Иоанна
Иисус в изображении синоптиков и в Евангелии от Иоанна

Вопрос об авторстве Евангелия от Иоанна
«Возлюбленный ученик»

Глава 10. **Апостол Иаков, брат Господень**
Были ли „братья Господни“ родными братьями Иисуса Христа?
Апостол Иаков и апостол Павел
Апостол Иаков и Мартин Лютер
Мученическая смерть апостола Иакова

Глава 11. Фома неверующий

Глава 12. **Мария Магдалина**
Путаница относительно Марии Нового Завета
Римский папа и история Марии Магдалины
Упоминания о Марии в ранних Евангелиях
Что могло привлекать женщин в учении Иисуса
Конфликт между Марией и Петром
Вершина любви

Глава 13. Иуда — предатель?

Версии мотивов преступления
История Иуды как легенда
Историчность предательства Иуды

Глава 14. Нетрадиционный Иуда: предательство как эксперимент

Противостояние Иуды с апостолами
Противостояние с Синедрионом
Противостояние с Пилатом
Два креста. Поцелуй Иуды

Итоги „эксперимента“

Глава 15. „Пятидесятница“: трансформация апостолов

Глава 16. Феномен „Пятидесятницы“ и других индивидуальных и коллективных видений воскресшего Иисуса в свете научных исследований XX–XXI веков

1.С позиции историко-текстологического метода

Синдром когнитивного диссонанса (Теория Фестингера)

„Психология скорби“

Социология закрытой группы

Концепция Дейла Аллисона:существование „инкубационного периода“

Феномен „Пятидесятницы“

Феномен 500 братьев

Концепция Герда Людеманна: „визионерский экстаз“

Эволюция мифа:материализация текста

2.История ранней общины в свете новейших научных открытий

Мозг-это не фотоаппарат, а проектор

Психический „вирус“ в зеркальных нейронах

Тренировка иллюзии

Глава 17. Ученые отвечают христианским апологетам

Часть 111. Раннехристианское мученичество

Глава 18.Мученическая смерть апостолов: история и предание

Глава 19.Феномен эсхатологического сораспятия

Смерть Иисуса как модель поведения для его последователей

Глава 20. Феномен „вируса“ мученичества

Глава 21. Почему в эпоху Ветхого Завета не существовало мученичества

Социальный статус вместо теологического выбора

Отсутствие доктрины загробного воздаяния

Глава 22. Истоки феномена мученичества

Казус Елеазара

„Сверхидея“-доминанта буквы над биологией

Истоки христианской парадигмы: между иудейским наследием и римским контекстом

Глава 23. Апостольский парадокс и зеркало истории

От исторического Лидера к метафизическому Символу

Эффект мартирологического „конвейера“ и латентная фаза „вируса“ мученичества

Зеркало истории:персидские баббисты

Инстинкт самосохранения и когнитивные механизмы жертвенности

Три этапа развития идеи самопожертвования

Как это объясняет наука

Часть IV. Павел из Тарса- „архитектор выживания“

Глава 24. До Дамасского обращения

Глава 25. Савл из Тарса-гонитель верующих в Иисуса Христа

Глава 26. Обращение Павла

Глава 27. Новый взгляд Павла на распятого Христа

Глава 28. Павел-апостол язычников

Глава 29. Апостол Павел и распятый „Раб Божий“

Глава 30. Послание к Римлянам: „Нет власти не от Бога“

Глава 31. „Перевернутое покрывало“ Павла

Цена одной метафоры

Глава 32. Миссионерская деятельность Павла

Отказ от Закона как камень преткновения

Миссионерская логистика Павла

Механизмы создания структурной матрицы христианства

Глава 33. Религиозный переворот апостола Павла

Отмена Закона для неиудеев

Смена фокуса: от „Царства Бога“ к „Личности Христа“

Политическая лояльность Империи

Адаптация к языческому менталитету

Глава 34. Почему учение Иисуса в чистом виде не завоевало бы Рим

Сценарий „Мир без Иисуса“

Сценарий „Мир без Павла“

Глава 35. „Безымянные“ преемники апостола Павла

Глава 36. Второй виртуальный „круглый стол“ библеистов: преемственность или разрыв?

Эсхатологический тупик

Этический раскол

Иудейский контекст

Природа Дамасского обращения

Часть V. Психобиография

Глава 37. У истоков метода психобиографии

Глава 38. Феномен Орлеанской девы

Глава 39. Лжемессии первого века

Глава 40. Психиатрия и психобиография

Кристаллизация Сверхидеи

Мессианская тайна

Разгром психиатров Швейцером

Швейцер о жизни Иисуса

Глава 41. Иисус из Назарета: опыт психобиографического анализа

Психобиография исторической личности

Специфика исследования личности Иисуса Христа

Эсхатология против Психоанализа

Три попытки западной психобиографии Иисуса Христа

Главный психологический итог

Открытый финал исследований

Глава 42. Психобиография апостола Павла

Павел- человек двух миров

Дамасский кризис
Личностный профиль апостола Павла
Преодоление кризиса идентичности
Западная психобиография об апостоле Павле
Интегральный портрет Павла

Глава 43., **Новый взгляд на Павла**“(„The New Perspective on Paul“)

Альтернативная перспектива

Заключение

Приложение 1. Концепция прихода Мессии

Ветхозаветные представления о приходе Мессии

Представления о приходе Мессии во времена Иисуса

Что означало в первом веке для иудеев и римлян провозглашение наступления "Царства Божьего" и принятие титула "Мессия"

Приложение 2. Нагорная проповедь

Заповеди блаженства

Антитезы Нагорной проповеди

Приложение 3. Весть о Царстве Божьем

„Нищие“ и „Грешники“

Царство Божие: в настоящем, прошлом или будущем?

Избранная библиография

Введение

За последние два столетия мировая историко-критическая наука накопила колоссальный библиографический массив, превышающий сто тысяч монографий и исследований, посвященных поиску истоков христианской цивилизации. Однако при всем кажущемся разнообразии гипотез этот океан литературы демонстрирует поразительную однородность. В конечном счете всё сводится к двум основным направлениям в решении ключевой проблемы: кто именно является подлинным основателем новой веры — Иисус из Назарета или Павел из Тарса.

Сторонники апологетического и умеренно-консервативного взгляда настаивают на том, что христианство возникло как прямое, органичное следствие земной жизни, проповеди и исторического факта Воскресения Иисуса Христа. С этой позиции Иисус признается единственным и абсолютным Основателем Церкви, заложившим её мессианские основы. Савлу же из Тарса отводится роль гениального систематизатора и миссионера, который не привнес в доктрину ничего принципиально нового, а лишь перевел Учение на универсальный язык греко-римского мира.

Им противостоит радикально-критическое и светское направление, утверждающее, что христианство как мировая религия возникло в результате глубокого кризиса иудаизма Второго Храма и последующего смещения еврейских апокалиптических ожиданий с эллинистической философией. Для этой научной школы Иисус из Назарета оставался сугубо иудейским пророком близкого Суда, в чьи намерения вовсе не входило создание новой теологии или разрыв с Храмом. Подлинным же основателем мировой Церкви здесь признается именно апостол Павел. Он совершил радикальный переворот и сместил фокус с религии самого Иисуса на религию о Нем, превратив распятого галилейского Пророка в космическое божество.

В противостоянии этих концепций монументальным плацдармом служит школа «последовательной эсхатологии» Альберта Швейцера и Мартина Вернера. Швейцарский теолог Мартин Вернер убедительно доказал, что рождение всей христианской теологии стало вынужденной реакцией ранней общины на задержку Второго пришествия. Он описал процесс де-эсхатологизации как теологический тупик, заставивший Церковь «остужать» первоначальный галилейский экстаз, чтобы выжить в условиях затянувшейся земной истории.

Выбор темы для этой работы продиктован не желанием оспорить выводы признанных исследователей Нового Завета. Перед вами — попытка заглянуть из XXI века в самое начало христианской истории, чтобы понять, как всё происходило «на самом деле». За бесконечным фасадом древних свитков и текстологических сличений слишком часто терялся живой Человек, и вернуть его — главное намерение этих страниц.

Если в прежних работах автора*** внимание было направлено на внешнюю, историческую несовместимость учения Иисуса Христа с функционированием любой государственной машины, то настоящая книга обращается к внутренней, психологической изнанке этого процесса. С этой целью автор пытается рассмотреть то, что схематично обозначено в фундаментальных формулах Мартина Вернера. Его абстрактное понятие «де-эсхатологизации» здесь переводится в плоскость живых характеров и социальной психологии.

Одна из главных целей предлагаемой работы заключается в знакомстве русскоязычного читателя с новейшими, революционными направлениями и именами в мировой западной библеистике и смежных науках последних десятилетий (главы 7 и 36). Автор выводит исследование на стык передовых междисциплинарных методов XXI века, таких как :

нейропсихология и когнитивная наука , позволяющие исследовать религиозный экстаз, ментальные сдвиги и феномен массового подражания у ранних христиан не как метафизическое чудо, а как объективный психофизиологический процесс (главы 16 и 17); психобиография — метод, который становится ключом к «оживлению» библейских персонажей, позволяя реконструировать живую психологию, внутренние конфликты, травмы и личные мотивы конкретных исторических деятелей, и др.(Часть V) .

В книге разобран глубокий переворот в западной исторической критике, известный как «Новый взгляд на Павла» (New Perspective on Paul), позволяющей по-новому описать миссию апостола язычников, вернув Павла из протестантского богословия в реальный контекст иудаизма I века (глава 43).

Теоретическим стержнем и главным ключом к пониманию истоков христианской религии служит идея **Двойного эсхатологического шока** , рассматриваемая через призму теории когнитивного диссонанса Леона Фестингера. Эта психологическая модель точно описывает,

что происходит с замкнутыми группами верующих, когда их ключевые ожидания опровергаются реальностью. Модель позволяет выстроить хронологическую сетку двух катастроф, определивших судьбу христианского мира: **Первого эсхатологического шока**, источником которого явились проповедь Иисуса Христа и Голгофский кризис 30-го года; и **Второго эсхатологического шока** — кризиса задержки парусии, когда первое поколение свидетелей начало умирать, так и не дождавшись наступления Царства Божьего в исторической реальности. Именно этот затяжной ментальный тупик, совпавший по времени с уничтожением Иерусалимского храма в 70-м году, заставил Церковь эвакуировать Царство из плоскости земной истории в область духа.

Реконструкция этого сложнейшего механизма трансформации живой веры в жесткую структуру развернута в книге через последовательную цепочку шагов.

Шаг первый: Психология свидетелей (Часть II). Потребовалось всмотреться в характеры галилейских рыбаков, первыми принявших Весть Иисуса. Автору важно было представить внутреннее состояние апостолов, навсегда зажатых между живой памятью Галилеи и мощным, нивелирующим эту память интеллектуальным давлением Павла.

Шаг второй: Экстремальный опыт мученичества (Часть III). Феномен раннехристианского мученичества рассматривается здесь через призму пограничных нейропсихологических переживаний людей, чья психологическая стойкость в условиях когнитивного диссонанса во многом определила будущий исторический триумф движения над Римской империей.

Шаг третий: Институционализация (Часть IV) Логика исследования неизбежно приводит к изучению деятельности самого апостола Павла и его преемников — «безымянных» строителей церковной структуры, которые окончательно превратили Весть Иисуса в фундамент прочной, монументальной организации.

Стремясь к максимальной научной объективности, автор предлагает читателю принять участие в двух виртуальных «круглых столах» (главы 7 и 36). За ними лицом к лицу сталкиваются исследователи диаметральных, порой непримиримых взглядов — от консервативных богословов до радикальных критиков. Автор предлагает читателю самостоятельно взвесить аргументы и составить собственное независимое мнение.

*** Игорь Лощинин: «Путь на Голгофу. В поисках исторического Иисуса.»- Москва. 2024. „Загадки смерти и воскресения Иисуса Христа. Рождение новой веры“- Москва, 2025. «Вера и насилие: от библейских времен до начала XX века» — Москва. 2026.

Глава 1. Палестина, начало первого века .Мессиянские чаяния

Римская оккупация Иудеи, перешедшая в фазу прямого прокураторского правления в 6 г.н.э. , была для евреев осквернением Святой земли нацией идолопоклонников. Ненависть к оккупантам мотивировалась не столько патриотическими побуждениями, сколько религиозными. Присутствие язычников было не знающим прощения оскорблением, нанесенным Богу. Уплата подати кесарю воспринималась иудейским сознанием как акт религиозного предательства, как признание чужого владычества над уделом Яхве. Евреи никогда не скрывали своей ненависти к римлянам, и те знали, что имеют дело с фанатиками, отрицающими божественность императора и законность римской власти в Иудее, остающимися до конца верными своему Богу.

В разных местах страны происходили беспорядки. Первое столетие нашей эры было эпохой апокалиптических ожиданий, народ был охвачен мессиянскими чаяниями. У людей все более набирало силу чувство, что близится конец существующего мира и новый, божествен-

ный порядок вот-вот явит себя. Царство Божие было совсем рядом. Все говорили о нем. Но власть Бога в представлении радикальных групп могла быть установлена только с помощью тех, у кого есть рвение бороться за нее.

Пока одни иудеи смиренно ожидали приход Избавителя-Мессии, периодически появлялись лидеры, объявляющие себя «мессиями», — так называемые «лжемессии» (глава 39: “Лжемессии первого века”). Власти реагировали на любой намек на подстрекательство к мятежу. Все мессианские претенденты провозглашали своей целью спасение Израиля, и все они были казнены римлянами.

Однако едва была потушена одна вспышка, как появлялась другая. Лидеры мессианских движений воодушевляли народ на войну за освобождение, подчинявшимся римскому владычеству грозили смертью, заявляя открыто, что те, которые добровольно предпочитают рабство, должны быть принуждены к свободе. Некоторые из этих «ложных мессий» известны нам по имени (Деян. 5:36-37).

Мессианским чаяниям посвящены книги древних пророков, а также апокалиптическая литература, популярная в первом веке н.э. Между классическими пророчествами и поздней апокалиптикой существовало почти непримиримое противоречие в понимании Мессии, Царства Божьего и самой человеческой истории.

Ветхозаветные великие пророки — Исаия, Иеремия, Захария, Амос, Михей — рассматривали историю как арену, где Бог воспитывает свой народ через суды и милость. Мир, сотворенный Богом, хорош, но испорчен грехами людей. Пророки объясняют бедствия Израиля неповиновением народа заповедям Божиим. Традиционно Царство Божье представляли как улучшенную, исцеленную земную реальность, которая наступит через покаяние и изменение поведения людей. Это политическое и земное процветание, при котором восстанавливается династия царя Давида. Народы живут в мире, земля дает сверхурожаи, люди рождаются и умирают, но живут долго и праведно.

Апокалиптика (от греч. «откровение») родилась как ответ на глубокий кризис веры. Евреи находились под властью языческих империй — сначала эллинистических Селевкидов, затем римлян. Апокалиптическое мировоззрение начинается примерно с середины II в. до н.э. Время греческого владычества над Израилем (332–167 гг. до н.э.) характеризуется, с одной стороны, подъемом религиозности, с другой — именно в это время иудеи подвергались наиболее жестоким притеснениям. Традиционное пророческое представление о том, что за грехи следует наказание, а за праведность — награда в земной жизни, перестало объяснять реальность. Праведники страдали, а язычники процветали. Это породило новое видение истории.

В поздней апокалиптике взгляд на мир чрезвычайно пессимистичен. Мир испорчен безнадежно, его невозможно исправить реформами и покаянием; им правят не просто злые цари, а космические демонические силы. Он должен быть полностью уничтожен. Царство наступит через космическую катастрофу, после чего произойдет Великий суд над всеми народами и явление «Сына Человеческого» на облаках. Появятся «новое небо и новая земля», радикально изменится сама природа человека: смерть будет уничтожена, произойдет Воскресение мертвых. Эта апокалиптическая концепция была чужда ранним (классическим) пророкам.

Мессианские ожидания первого века н.э. отличались многообразием. Иудаизм не имел единой, жестко зафиксированной догмы о Мессии, а предлагал спектр религиозных надежд. Когда евреи штудировали пророческие тексты в поисках информации об этом, они обнаруживали запутанный, порой противоречивый набор мнений и взглядов о Мессии и его роли: он будет освободителем, который снимет узы с иудеев (Втор. 18:15–19; Ис. 49:1–7); или он будет претендентом на трон и восстановит царство Давида (Мих. 5:1–5; Зах. 9:1–10); или он явится в конце времен для суда над вселенной в образе эсхатологического, космического Судьи из Книги пророка Даниила и Книги Еноха, который приблизит конец времен (Дан. 7:13–14; Иер. 31:31–34]. („Концепция прихода Мессии“ – изложена в Приложении 1).

Именно в это расколотое ментальное поле, зажатое между земными ожиданиями национального триумфа и космическим пессимизмом апокалиптики, в 30-м году ворвется проповедь Иисуса из Назарета.

Глава 2. Исторический Иисус как апокалиптический пророк

Иисус проповедовал в среде иудейского апокалиптизма I века. Многие иудеи того времени ожидали, что Бог вот-вот вмешается в историю, уничтожит зло и установит Свое Царство. Проповедь Иисуса началась с крещения у Иоанна Крестителя, который был пророком близкого апокалипсического Суда:

«Уже и секира при корне деревьев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь.»(Лк 3:7–9).

Срубание деревьев есть образ грядущего суда: люди, которые не жили в соответствии с волей Божьей, будут «брошены в огонь». Рубка может начаться с минуты на минуту, секира уже лежит возле корня деревьев.

В центре апокалиптической вести Иисуса, как и Иоанна, было возвешение того, что время, отведенное веку сему, истекает, и люди стоят на пороге новой эпохи, Царства Божия. В преддверии этого события люди должны покаяться, красная нить проповеди: *«Исполнилось время и приблизилось Царство Божие. Покайтесь и верьте благой вести»* (Мк 1:15).

Слова Христа по-разному действовали на собравшихся около него слушателей. Одни признавали его пророком, хотя едва ли соединяли с этим словом определенное представление, другие называли его Мессией. Но были и те, которые не соглашались с мессианским статусом Иисуса, поскольку он происходил не из рода Давидова и не из Вифлеема, города Давидова. Некоторые же сочли Христа обманщиком, вредным для общества израильского, и пытались, хотя и неудачно, задержать Его и выдать начальству:

„Многие из народа... говорили: Он точно пророк. Другие говорили: это Христос. А иные говорили: разве из Галилеи Христос придет? Не сказано ли в Писании, что Христос придет от семени Давидова и из Вифлеема, из того места, откуда был Давид? Итак произошла о Нем распря в народе.“ (Ин 7:40).

«Сын Человеческий»

Иисус не признавал себя публично Мессией, но и не хотел, чтобы на него смотрели как на обычного человека. Он представлял себя иудейскому народу, называя «Сыном Человеческим». Это имя пришло из Ветхого Завета: в древнееврейском и арамейском языках выражение «сын человеческий» ("бар наша") изначально означало просто «человек», т.е. не более чем принадлежность к роду людскому. Лишь пророк Даниил придал совершенно новый смысл этому имени. Книга пророка Даниила описывает Сына Человеческого как будущего спасителя человечества, которому Бог после Суда даст власть над миром (Дан. 7: 13–14):

«Видел я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шёл как бы Сын человеческий, дошёл до Ветхого днями и подведен был к Нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его — владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится.»

Предсказание Даниила подразумевало, что мистический Сын Человеческий должен стать посредником между людьми и Богом, однако, оно не определяло природу этого «Сына». Позднее, когда распространилась идея о Спасителе, имя «Сын Человеческий» стало восприниматься как одно из определений Мессии. Однако, греки, не знакомые с этой литературой, в словосочетании «сын человеческий» могли воспринять не возвышающий, а только занижающий смысл — просто человек, поэтому при перенесении своей проповеди за пределы синагоги апостолы стали именовать Христа «Сыном Божиим». Т.о. мессианское понимание выражения Даниила «Сын Человеческий» стало восприниматься также как синоним выражения «Сын Божий».

Иисус часто использовал выражение „Сын Человеческий“, как скромную или дистанцированную замену местоимению «Я». Он намеренно избегал прямого и громкого титула «Мессия» (Христос), потому что в Иудее I века от Мессии ждали политического восстания и войны с Римом. Используя загадочный титул «Сын Человеческий» в третьем лице, он одновременно намекал на свою божественную миссию (из Книги Даниила) и не провоцировал римские власти раньше времени.

Христос регулярно говорил о себе в третьем лице там, где тождество очевидно, например: *«Лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову»* (Лк 9:58); *«Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить...»* (Мф. 20:28). Очевидно, что под «пришедшим» Он имеет в виду себя.

Но иногда создается впечатление, что Иисус говорит не о самом себе:

«Ибо кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий» (Мк 8:38).

Высказывания, в которых Иисус и Сын Человеческий — как бы не являются одним и тем же лицом, всегда говорят о будущем, а именно, о явлении Сына Человеческого на землю для Суда, который установит в конце века сего Царство Божие. Грозные предупреждения о том, что случится при явлении Сына Человеческого, отражены в Евангелиях Мф 13:40–43; Мк 13:24–27; Лк 17:24; 21:34–36 : при завершении века сего, когда явится Сын Человеческий, всем придется дать отчет за свои дела. Судьбы людей коренным образом переменятся: богатые и власть имущие будут унижены, а смиренные и угнетенные — возвышены (Лк 13:29–30; Мф 20:16). Суд затронет не только людей: он будет иметь поистине вселенские масштабы. Весь мир испорчен и должен быть разрушен, чтобы наступило Царство (Мк 13:24–27).

Если смотреть на текст в контексте всего Евангелия, Иисус говорит о самом себе как о Сыне Человеческом из Книги Даниила. Он предрекает ученикам свое возвращение уже в божественном статусе и славе, противопоставляя свое нынешнее земное (скромное) состояние своему будущему (космическому) пришествию.

В рамках историко-критического метода, в земной жизни он считал себя Сыном Человеческим в одном смысле, а в будущем — в совершенно другом. Историки объясняют, что Иисус использовал титул «Сын Человеческий» в двух разных контекстах, которые ранняя Церковь потом слила воедино: в земном контексте (Мф 8:20) он имел в виду себя, странствующего, уязвимого проповедника. Здесь нет никакого космического величия Даниила. В будущем космическом контексте, когда Иисус говорил о «Сыне Человеческом из Даниила», он говорил о нем в третьем лице. Ученые (например, Рудольф Бультман) считают, что Иисус верил: его земная миссия — это лишь подготовка к приходу космического Судьи. Скорее всего, Иисус считал, что его земная проповедь и грядущий Небесный Судья тесно связаны, но изначально он мог не отождествлять свое земное «Я» с этим сияющим существом. Лишь перед самой смертью (или уже в вере учеников после Воскресения) произошло их полное слияние: *смиранный Иисус и есть тот самый космический Сын Человеческий, который вернется судить мир*.

Евангелия содержат многочисленные апокалиптические высказывания Иисуса. Факт того, что Иисус проповедовал наступление Царства, которое уже «у порога», доказан большим количеством новозаветных текстов: (Мк. 1:15) — программное заявление Иисуса; (Мк. 9:1;13:24–27, 30) ;(Мф., 24: 34) ;Мк 13:24–27, 30) и др. После ссылки на падение Иерусалима у Матфея следует общее описание будущего конца света, дающееся в типичных для Ветхого Завета терминах всеобщего уничтожения: *«И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются»* (Мф., 24: 29). Далее следует явление Мессии и установление идеального царства: *«...тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою»*(Мф., 24: 30).

Иисус как апокалиптический пророк, считал, что кульминационный момент истории — приход Сына Человеческого на облаках небесных и установление космического Царства Бога — произойдет до того, как умрут люди, жившие в его время:

«Истинно говорю вам: не преидет род сей, как все сие будет...» (Мф., 24: 34;Мк 13:24–27, 30).

«Род сей» в историческом контексте означает именно живущее поколение современников Иисуса, а не «человечество вообще», как позже пытались интерпретировать богословы: *«Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силу.»*(Мк 8:38-9:1).

Взгляды Иисуса, судя по текстам, эволюционировали.

Историко-критический метод разделяет проповедь Иисуса на два этапа.

Ранный этап (Галилейский): когда Иисус произносит фразу *«не успеете обойти городов Израилевых, как придет Сын Человеческий»* (Мф. 10:23). Он отправляет учеников на проповедь и в этот момент ожидает, что Бог вмешается в историю прямо сейчас, в ближайшие недели, пока ученики ходят по деревням. Финал должен был наступить внезапно и прижизненно для всех, катастрофа ,или преобразование мира, может застать учеников прямо в пути.

Поздний этап (Иерусалимский): когда Иисус видит, что Галилея его не приняла, Иоанн Креститель казнен, а власти Иерусалима настроены враждебно, его картина будущего меняется. Он верит, что космический прорыв Бога произойдет через его личную смерть (гипотеза, предложенная Швейцером и поддерживаемая его последователями). И вот тогда, на суде у первосвященника, он говорит: вы убьете меня, но *«узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках»* (Мк. 14:62). Здесь он действительно предрекает свое триумфальное явление после земной смерти.

Следует заметить, что для ученых очевидно, что тексты Мф. 10:23 и Мк. 9:1 (*«не вкусят смерти, как увидят Царствие...»*) — это не выдумка авторов Евангелий. Ранней Церкви было бы крайне невыгодно сочинять пророчества о том, что конец наступит при жизни очевидцев, ведь к моменту написания Евангелий (70–90 гг. н.э.) это поколение уже стремительно умирало. Тот факт, что эти изречения остались в рукописях, доказывает: они были настолько авторитетными (словами самого Христа), что евангелисты просто не посмели их вычеркнуть, хотя они уже превращались в проблему.

Историки-библеисты называют концепцию Иисуса **«радикальным апокалиптицизмом»** или **«близкой эсхатологией»**. Сказать, что эта идея была абсолютно чужда иудаизму, нельзя — напротив, Иисус в этом плане был плоть от плоти радикального крыла иудаизма эпохи Второго Храма. Однако он довел это ожидание до абсолютного максимума.

Классический пророческий «мейнстрим» заключался в том, что Царство Бога наступит в будущем, в рамках исторического процесса: придет Мессия -потомок Давида, прогонит римлян, восстановит независимость и наступит золотой век. Это «Грядущий век», который куется здесь, на земле.

Апокалиптическое (радикальное) крыло утверждало: мир настолько погряз во зле, что никакие человеческие или политические реформы его не спасут. Спасти ситуацию может только космическое, катастрофическое вмешательство Бога, которое полностью уничтожит старый мир и создаст новый. Концепцию Иисуса выделяло лишь то, что вхождение Царства рассматривалось как уже (почти) начавшийся процесс: Царство Божие уже началось, но тайно и духовно. Иисус говорил: *«Царствие Божие внутрь вас есть»* (Лк. 17:21) или *«если Я перстом Божиим изгоняю бесов, то конечно достигло до вас Царствие Божие»* (Лк. 11:20). То есть Царство Бога уже прорывается в мир через его исцеления и проповедь, хотя римляне всё еще у власти, а на облаках никто не летит.

Иисус разделил процесс на два этапа, которые должны были уместиться в *рамки жизни одного поколения*. Первый этап — «здесь и сейчас», когда сам Иисус как пророк Царства и «сын человеческий» в значении «простой человек» запускает Царство Бога на земле в умах и сердцах людей. Второй этап — «близкое будущее», когда

Бог совершает космический переворот, и тот самый Сын Человеческий по Даниилу приходит на облаках, чтобы завершить историю.

Приход Сына Человеческого — это финал, а не старт: для Иисуса космическое явление Сына Человеческого по Даниилу — это не начало Царства, а его кульминация, окончательная точка.

Отличие взглядов Иисуса Христа от традиционных

Против какой традиции Иисус действительно выступал?

Иисус открыто противостоял национально-политической традиции ожидания Мессии. Большинство иудеев I века (особенно зилоты и фарисеи) ждали Мессию как земного царя — потомка Давида, военного лидера. Сценарий был таким: появляется могущественный царь-освободитель, подобный великому царю Давиду; он собирает армию и свергает римское иго — наступает Царство Божие (независимый Израиль). Против этого сценария Иисус категорически возражал. Он находился в русле другой, апокалиптической традиции, ярким примером которой была Книга пророка Даниила и проповедь Иоанна Крестителя.

В этой традиции сценарий был иным: Царство Бога наступает не в результате человеческой войны, а в результате прямого и внезапного космического вмешательства Бога. Бог Сам разрушает земные империи, и в этот же самый миг передает власть Сыну Человеческому на облаках (Дан. 7:13-14).

Историко-критическая наука показывает, что Иисус перевернул традицию в одном ключевом моменте: он разделил явление Мессии на его земной (скрытый) статус и будущий (космический) статус. Для современников Мессия должен был сразу явиться во всем величии и силе. Для Иисуса Мессия (в его лице) сначала приходит как скромный учитель, сеющий слово о Царстве, как сеятель зерно (Мф. 13). А вот его триумфальное явление как Сына Человеческого из Даниила — это финал, который Бог совершит со дня на день.

Иисус не отменял правило, что Царству предшествует (или сопутствует) Мессия. Он просто утверждал, что его скромная земная деятельность в Галилее — это и есть начало явления Мессии, а космическое пришествие Сына Человеческого на облаках — это немедленный финал, который завершит эту короткую миссию. По мнению историков-критиков, Иисус ожидал, что этот финал наступит мгновенно, прямо в процессе проповеди апостолов, без долгой исторической паузы.

В своей проповеди и притчах Иисус призывал людей быть готовыми к скорому приходу Мессии — Сына Человеческого (Лк 17:24, 26–27, 30; ср. Мф 24:27, 37–39): *«Будьте же и вы готовы, ибо, в который час не думаете, придет Сын Человеческий»* (Лк 12:40; ср. Мф 24:44).

«Посему как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего: пошлет Сын Человеческий ангелов своих, и соберут из Царства его все соблазны и делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов; тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их». (Мф 13:40–43)

Первые христиане унаследовали апокалиптические настроения — жажду вмешательства Бога в историю с тем, чтобы Он разрушил мировое зло и наконец установил Свое Царство.

Глава 3. Проповедь Иисуса Христа как источник Первого эсхатологического шока

В истощенной налогами и оккупацией Галилеи I века проповедь Иисуса носила характер взрыва. Он говорил не о постепенном улучшении человеческой природы: первыми и главными словами Иисуса, зафиксированными древнейшей традицией, был призыв: «*Исполнилось время и приблизилось Царство Божие; покайтесь и веруйте в Евангелие*» (Мк. 1:15). („Весть о Царстве Божьем“ – см. Приложение 2)

Традиционно, в том числе для иудеев I века приход Мессии (или Сына Человеческого) должен был быть однократным, финальным и триумфальным актом. Сценарий, который они ждали, выглядел так: Мессия приходит, сокрушает язычников (Рим), очищает Храм, судит грешников и открывает Царство Божье на Земле. Идея о том, что Мессия сначала придет в унижении, пострадает, умрет, воскреснет, вознесется, а затем когда-то во второй раз придет в славе на облаках — была абсолютно чужда иудейскому сознанию. Слушатели Иисуса просто не имели такой богословской рамки. Когда Иисус говорил: «*Исполнилось время и приблизилось Царствие Божие*» (Мк. 1:15), его слушатели понимали это как наступление финала. Люди думали, что Иисус прямо сейчас, своими чудесами и авторитетом, запускает процесс установления Царства. Его современники ждали только первого и единственного пришествия Царства в силе. Они ожидали, что Иисус «запустит» его прямо сейчас.

Поэтому для слуха иудея эта весть: «Исполнилось время» была катастрофичной. Она означала, что привычная история человечества исчерпала свой лимит, что наступал момент прямого, насильственного и окончательного вмешательства Бога.

„Родовые муки“ вступления Царства Божьего

Метафора «родовых мук» Царства Божьего («муки Мессии или муки очищения») появляется у классических пророков (Ис 26:17; Ос 13:13) и достигает пика в поздней апокалиптике. Ее логика проста и страшна: Новый век (Царство Божье) не может родиться без боли. Переход от «века нынешнего»-греховного к «веку грядущему»-Царству Божьему — это болезненный космический разрыв. Согласно иудейским представлениям эпохи Второго Храма, зафиксированным в Кумранских свитках и позже- в Талмуде, перед приходом Мессии мир должен погрузиться в абсолютный хаос. Признаки «родовых мук» в апокалиптике: землетрясения, голод, природные катастрофы, разрушение семей, падение нравственности, тотальные войны всех против всех, крайнее сгущение зла. Чем хуже ситуация в мире, тем ближе финал. Когда муки достигают пика, — рождается Мессианская эпоха.

В рамках светской истории проповедь Иисуса рассматривается как мощный катализатор апокалиптических ожиданий. Единый Первый эсхатологический шок, охвативший 30-е и 40-

е годы, развивался не одномоментно. Он нарастал постепенно, проходя через три последовательные волны.

Первая волна - это Галилейский тупик.

Когда Иисус отправляет учеников на проповедь и произносит: «*Не успеете обойти городов Израилевых, как придет Сын Человеческий*» (Мф. 10:23), он задает жесткие временные рамки — несколько недель .

Ученики обходят города и возвращаются (Лк. 9:10). Ничего не происходит. Космический Судья не явился. Это стало первым "тихим" кризисом и сбоем в сроках ожидания, заставившим Иисуса переосмыслить свою миссию и двинуться в Иерусалим, чтобы приблизить Царство, возможно, - через свою собственную смерть.

Вторая волна- это катастрофа Распятия.

Слушатели и ученики ждали, что Иисус в Иерусалиме явит Царство в силе. Его арест и позорная казнь на кресте стали сокрушительным ударом. С точки зрения иудаизма I века, распятый Мессия — это оксюморон и проклятие (Втор. 21:23). Это был полный крах всех надежд для учеников («*А мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля*», Лк. 24:21).

Третья волна - это изнурительное ожидание.

После Пасхи (Воскресения) ученики обретают новую надежду. Они уверены, что Иисус вознесся, стал тем самым Сыном Человеческим по Даниилу и вот-вот вернется на облаках. Снова задаются рамки : «*род сей*» , т.е. при жизни очевидцев. Но когда сроки стали затягиваться, этот же первый шок перерос в хроническую фазу выживания.

Проходят 40-е годы, община в Иерусалиме полностью проедает ресурсы, а Христа всё нет. Таким образом, Первый эсхатологический шок плавно затухает к середине века, уступая место Второму, куда более страшному кризису — биологической смерти последних очевидцев и разрушению Иерусалима в 70-м году.

Говоря о «Двойном» эсхатологическом шоке, мы имеем в виду Первый шок, причинами которого явились Проповедь Иисуса и его казнь. Периодом Первого эсхатологического шока считаются 30-40-е годы с пиком, вызванным смертью Христа и постепенным затуханием до 50-60-ых гг. Второй, главный эсхатологический шок начинается со смертей современников Иисуса, «свидетелей», достигая максимума в период разрушения Храма в семидесятом году, духовные итоги этого Шока община подводила в девяностые годы.

Психологическая суть «Первого эсхатологического шока»

Первый эсхатологический шок и безумная паника Шока были вызваны атмосферой предельного ужаса перед «закрывающейся дверью» в Царство, которое «вот-вот» должно явиться.

Иисус в рамках этой парадигмы выступает не как мягкий проповедник морали, а как апокалиптический вестник катастрофы,

В иудейском апокалиптизме I века приход Царства Бога — это не благодное событие, он сопровождается «родовыми муками», это тотальное уничтожение старого мира.

Первый эсхатологический шок — это шок внезапности и страха, порожденный ранней галилейской проповедью Иисуса, требующий от слушателей тотального разрыва с мирской жизнью. Иисус вселяет в людей ужас перед близостью Царства. Он требует немедленного отказа от мира. Он уверен, что Бог совершит космический переворот со дня на день, явив Сына Человеческого на облаках небесных.

Выступая как эсхатологический пророк, Иисус не просто предвещал кризис, но сознательно провоцировал его, применяя к слушателям жесткую шоковую терапию. Он целенаправленно выбивал людей из социальной спячки, ломая основы традиционного аграрного общества. Шок его проповеди заключался в радикальном перевороте всех ценностей. Фразы, ставшие для нас религиозной поэзией, для современников звучали безумием: «*Блаженны нищие... Блаженны алчущие ныне*» (Лк. 6:20–21). В древнем мире богатство считалось знаком благословения Бога. Иисус же объявил маргиналов, бедняков и грешников главными наследниками Нового Мира, а благочестивую храмовую элиту — первыми кандидатами на утилизацию. В своих заповедях он требовал от людей невозможного в условиях оккупации — он призывал: «...не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую...» (Мф 5:39); «любите врагов ваших» (Мф 5:43–48), он требовал отдавать последнюю рубашку, прощать долги и полностью отказаться от заботы о завтрашнем дне. Копить имущество и судиться за наследство за секунду до конца света — бессмысленно (Мф 19:21).

Проповедь Христа требовала немедленного экзистенциального прыжка. Это был призыв, который заставлял бросать созревший урожай, ломать привычные социальные связи. Когда ученик попросил разрешения похоронить отца, Иисус отрезал: «*Иди за Мною, и предоставь мертвецам погребать своих мертвецов*» (Мф. 8:22). «Мертвецы» здесь — люди, живущие только земной жизнью. Физические заботы и долг перед семьей упразднялись перед лицом наступающего Царства.

Кто приходит к нему и не „ненавидит“ отца, мать, жену, детей, братьев и сестер, тот не может быть его учеником. Верность Учителю должна быть на первом месте. Если выбор стоит между кровными узами и Истиной, ученик выбирает Истину. Земная привязанность не должна мешать следованию за Мессией.

Сбывалось пророчество: «Враги человеку — домашние его» (Мф. 10:36). Эта фраза — кульминация бескомпромиссного поучения Иисуса о разделении. Иисус не придумывает её на пустом месте, а дословно цитирует ветхозаветную Книгу пророка Михея (Мих. 7:6). У Михея это описание глубочайшего морального упадка и катастрофы Израиля перед Божьим судом, когда рушатся самые надежные человеческие связи: сын поносит отца, а дочь восстает против матери. Иисус заявляет, что это время окончательного разделения наступило прямо сейчас. Приближение Царства действует как огонь, который плавит и раскалывает общество.

В традиционном иудейском социуме I века семья, род и клан были основой идентичности, религиозного уклада и физического выживания человека. Когда Иисус призывает к

радикальному следованию за ним, именно семья становится главным барьером для покаяния. Близкие требуют соблюдения традиций и заботы о земном благополучии. В условиях эсхатологической неотложности эти естественные привязанности превращаются в препятствие. Домашние становятся «врагами» не потому, что желают зла, а потому, что удерживают человека в старом, гибнущем мире.

Иисус произносит радикальные слова: *«Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч»* (Мф. 10:34). В рамках исторического анализа это означает абсолютную бескомпромиссность выбора: нельзя войти в Царство наполовину, оставаясь частью прежних социальных структур. Конфликт неизбежен, радикальный шаг одного человека вызывает враждебность и непонимание тех, кто этот выбор не разделяет. Путь самоотречения — это путь одиночества и готовности к тому, что самые близкие люди станут главными врагами.

Глубину и неотвратимость этого кризиса Иисус передает в своих предельно жестких, метафоричных притчах. Все ключевые притчи Иисуса, если читать их в историческом ключе, бьют в одну точку — *«Слишком поздно!»*

"Притча о десяти девах" (Мф. 25), пять из которых -неразумных дев- не успели купить масла. Жених пришел внезапно, «и дверь затворилась». Их крики «Господи! Господи! отвори нам» наталкиваются на ледяной ответ: «Не знаю вас». Это шок для слушателя: ты можешь опоздать на пять минут и погибнуть навсегда.

Образы Ноя и Лота (Лк. 17:26–30) обнажают контраст между обыденной рутинной и мгновенным космическим судом. Люди жили в иллюзии стабильности: ели, пили, женились, строили, но катастрофа приходит мгновенно и уничтожает всех. Люди не совершали преступлений, но сама по себе обычная земная жизнь без эсхатологического бодрствования объявляется грехом и путем к гибели.

"Притча о безумном богаче" (Лк.12:16-21) иллюстрирует полный крах земных планов перед лицом внезапного конца : «И скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись. Но Бог сказал ему: „Безумный! в эту ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?“».

"Притча о званых на пир" (Лк. 14) говорит о людях, которые были заняты обычными делами (купил землю, купил волов, женился) и не захотели (не смогли) придти на «Пир» . Эти люди навсегда исключаются из Царства: быт и повседневность становятся смертным приговором.

"Притча о богаче и Лазаре"(Лк. 16)говорит о богаче, который не успел перестроиться при жизни, и между ним и раем мгновенно зафиксирована «пропасть великая», которую нельзя перейти.

Логика притч о Царстве Иисуса: Успеть любой ценой!

Только в контексте этой паники становится понятна логика Нагорной проповеди и этических требований Иисуса. «Раздай всё имущество»:собственность, деньги — это не грех само

по себе, но это лишний балласт. Ты не успеешь вбежать в сужающуюся дверь Царства, если тащишь за собой мешки с золотом и какие-то земные обязательства.

«Полюби врагов» — это максимальное, экстремальное духовное усилие, которое требуется сдать как «экзамен» прямо сейчас, на пороге Суда. („Нагорная проповедь“ - см. Приложение 3)

Образ наказания не раскаявшихся, тех, кто противиться законам, неотвратимо присутствует в его притчах. Он с гневом обрушивается на людей, которые к нему не прислушиваются: *«Змии, порождения ехиднины! Как убежите вы от осуждения в геенну?»* (Мф 23-33).

Затем Христос говорит: *«Пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов»*(Мф. 13:41–42). Иисус рассказывает историю про овец и козлищ – о том, как Сын Человеческий на Суде будет отделять праведников от грешников. Козлищам он намерен сказать: *«...идите от меня, проклятые, в огонь вечный...»*(Мф. 25:41). И грешники пойдут «в муку вечную». Далее мы читаем: *«И если соблазняет тебя рука твоя, отсеки ее: лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает и огонь не угасает»*(Мк. 9:43–44; Мф 5:30).

Христос повторяет это снова и снова. Можно представить, как эти притчи могли действовать на уверовавших в то, что Царство уже „у порога“...

Когда Христос изрекал: *«Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне»* (Мф. 6:34) и делился иными подобными мыслями, в весьма значительной мере это было связано с его *убеждением, что Царство вступает в силу очень скоро и что все обыденные мирские дела ничего не значат.*

Вся эта атмосфера предельного духовного экстаза на пороге катастрофы идеально укладывается в рамки теории когнитивного диссонанса Леона Фестингера. Его исследования доказали, что столь экстремальное психологическое напряжение и разрыв с социумом неизбежно приводят к сокрушительному излому, когда очевидная историческая реальность сталкивается с неисполненным ожиданием.

Притчи Христа пугают, потому что вскоре Бог совершит Свой Суд через грядущего Сына Человеческого (которого Иисус на этом этапе, возможно, мыслил как отдельное небесное существо или ангела-судью).

Безумная паника слушателей вызвана близостью катаклизма. Земля уходит из-под ног. Надо бросать имущество и семьи не ради новой религии, а потому что завтра этого мира не будет.

Слушатели Иисуса оказались в ситуации, когда привычный мир с его долгосрочным планированием (посеять, собрать урожай, выдать дочь замуж, накопить на старость) был объявлен не имеющим никакого значения. **Проповедь «Царство у порога!» требовала немедленного, шокового разрыва со всей социальной тканью общества.** Человек должен был за секунду превратиться в нищего странника, готового к космическому досмотру.

Проповедь Иисуса вызывала экзистенциальный ужас и экстаз. Иисус погрузил своих слушателей в состояние, где они каждую секунду вглядывались в небо, проверяя, «горит ли их светильник», раздавая имущество и разрывая связи с миром ради того, чтобы не оказаться там, где «плач и скрежет зубов».

Распятие- точка абсолютного Шока

Проповедь Христа в Галилее не приводит к немедленному космическому вмешательству. Напротив, нарастает угроза ареста. Иисус, оставаясь апокалиптиком, принимает радикальное решение: он идет в эпицентр — в Иерусалим, на Пасху. Он идет туда не для того, чтобы «умереть за грехи мира», а чтобы своим радикальным действием (вызовом властям, очищением Храма) вынудить Бога наконец-то совершить этот космический прорыв. *Он идет провоцировать апокалипсис.*

Кульминация- это суд Каиафы. Это единственный момент в Евангелиях, где Иисус прямо во всеуслышание заявляет, когда и как он явится на облаках. На вопрос первосвященника: «Ты ли Мессия?» Иисус отвечает: *«Я; и вы узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных»* (Мк 14:62). Слово «узрите», обращенное к конкретным судьям — Каиафе и синедриону, — это ключ. Иисус уверен, что его смерть не отменяет сроки «рода сего». Напротив: его убьют, но Каиафа и эти судьи еще при своей жизни увидят его возвращение на облаках в качестве космического Судьи.

И вот здесь историческая драма достигает апогея. Вместо космического вмешательства Бога происходит позорная, страшная казнь на кресте. Наступает тишина. Небо не раскололось, облака с Сыном Человеческим не спустились.

Для учеников это был не просто шок, это была полная аннигиляция их смыслов. Тот, кто обещал, что Царство у порога и двери закрываются, сам оказался заперт в гробнице под римской печатью, проклятый Законом Моисея как повешенный на древе. Именно этот колоссальный разрыв между реальностью (Христос распят, облака не спустились) и ожиданиями (Царство вот-вот закроет двери) и породил самую безумную панику, экзистенциальный ужас и пик первого эсхатологического шока.

Вся эта атмосфера крушения надежд идеально укладывается в рамки теории когнитивного диссонанса Леона Фестингера. Его исследования доказали, что когда фундаментальное пророчество разбивается о беспощадный исторический факт, выжившая община, спасая свой разум от разрушения, экстренно включает компенсаторные механизмы вероучения.

Когда Иисуса арестовали и распяли, для его учеников это стало полным крахом. Смерть Иисуса на кресте была для иудея доказательством того, что он — не Мессия: *Мессия Данила должен править вечно, а не погибать от рук римлян.*

Концепция «Второго пришествия» родилась только ПОСЛЕ Пасхи (Воскресения). Когда ученики пережили опыт Воскресения Христа, их картина мира перевернулась. Они поняли:

Царство уже открылось (духовно), Иисус — действительно Сын Человеческий, но Его окончательный космический триумф отложен. И именно тогда, оглядываясь назад, они стали интерпретировать его слова (включая Мф. 10:23) как пророчество о его возвращении.

Глава 4. Чем окончился Первый эсхатологический шок

Жизнь первой иерусалимской общины в 30-е-40е годы I века можно описать как состояние тотального социально-экономического чрезвычайного положения. Первая реакция уверовавших в Иерусалиме — мгновенная ликвидация всей собственности (Деяния 2:44–45, 4:32–35). В исторической реальности это была не продуманная модель, а экстренная распродажа перед катастрофой. Земля, дома и скот в аграрном обществе — это гарантия выживания рода, но если Царство Божье наступит через недели или месяцы, удерживать собственность — значит проявлять неверие и «копить богатства на земле». О том, к чему ведет накопление богатства и радости от ЭТОЙ жизни на земле, предупреждал Иисус. Притча о богаче и Лазаре всем была хорошо известна.

Все вырученные деньги сносились к ногам апостолов и тут же тратились на ежедневное пропитание огромной толпы. Долгосрочного планирования не существовало. Община жила «одним днем», буквально уничтожая свои экономические корни. Это привело к тому, что когда эсхатологический шок затянулся, иерусалимская община оказалась в глубочайшей нищете и стала полностью зависима от внешних денежных сборов (которые позже собирал Павел по Греции).

Зачем сеять хлеб, если до жатвы Сын Человеческий явится на облаках? Зачем чинить крышу или ткать одежды? В Иерусалиме наступил добровольный отказ верующих от работы.

Люди проводили всё время в Храме и по домам, преломляя хлеб и молясь.

Жизнь превратилась в перманентное ожидание. Этот отказ от труда был настолько сильным, что его отголоски Павел спустя годы будет жестко подавлять в Салониках, выкрикивая свое знаменитое: *«Кто не хочет трудиться, тот и не ешь»* (2 Фес. 3:10), Это была прямая борьба с затянувшимся параличом первых дней.

Но не менее важное следствие Вести: проповедь «Царства у порога» вызвала крах семейных связей. Молодые люди бросали отцовские хозяйства, оставляя родителей без кормильцев, что по меркам I века было страшным грехом и социальным преступлением.

Представим ужас традиционной неверующей еврейской семьи, чей сын или муж внезапно продает семейный участок земли, отдает деньги странной общине галилеян и отказывается работать, утверждая, что этот мир проклят и скоро сгорит. Это порождало жестокие семейные суды и ненависть, родные люди, действительно, становились врагами, о чем предупреждал Иисус (Мф. 10:36).

Зачем создавать семьи и рожать детей «для бедствия», если «проходит образ мира сего»? Ранняя традиция зафиксировала этот глубокий экзистенциальный страх перед беременностью в эсхатологические дни: *«Горе же беременным и питающим сосцами в те дни!»* (Мф. 24:19)

Люди засыпали с мыслью, что не проснутся в этом мире. Это рождало невероятный эмоциональный накал — от экстатической радости: Господь наш грядет! - до панического ужаса перед собственной неготовностью.

Люди, состоявшие в этой нищей и паникующей общине, уже порвали со старым миром, полностью сожгли мосты, отказались от будущего, но Новый Мир еще не наступил. *Они зависли в пустоте этого эсхатологического шока.*

Но на что могли надеяться люди, услышавшие, что «вот-вот» наступит Царство Бога и знавшие о том, что согласно пророчествам, вступлению Царства должны предшествовать чудовищные «родовые муки Мессии», о которых говорилось выше?

Историко-критический метод подчеркивает: первые христиане прекрасно знали пророчества о «родовых муках Мессии» ("Хевлей Машиах" в иудейской традиции) — периоде космического и социального ужаса, который должен предшествовать финалу.

Шок проповеди Иисуса заключался именно в том, что Новый Мир родится через тотальную катастрофу, и спасение в ней никому автоматически не гарантировано.

Но слушатели Иисуса опирались на ветхозаветную концепцию «Святого Остатка» (например, у пророка Малахии или Даниила): они верили, что в момент катастрофы Бог уничтожит не всех людей, а очистит землю от грешников.

Проходя через «родовые муки» (войны, голод, гонения, помрачение солнца), уверовавшие рассчитывали, что их покаяние и следование за Иисусом станут «невидимой печатью», гарантирующей, что ангелы Божьи при сборе избранных (Мф. 24:31) не уничтожат их вместе с беззаконниками.

В сложившихся условиях верующие испытывали трепет перед грядущими ужасами. Поэтому они цеплялись за ключевое обещание Иисуса: Бог не даст своим верным погибнуть в этих муках, Он искусственно сократит время катастрофы: *«И если бы Господь не сократил тех дней, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных, которых Он избрал, сократил те дни»* (Мк. 13:20).

Эсхатологическим убежищем стала главная молитва общины — «Отче наш», которая изначально была не личной просьбой о душевном покое, а кризисным воззванием о спасении в эсхатологической катастрофе. Фраза «И не введи нас во искушение» текстологами переводится как «Не допусти нас до (финального) Испытания» («Избавь нас от Великой Скорби»). *Поверившие надеялись, что Бог Своей волей проведет их сквозь родовые муки Царства, избавив от главного ужаса.*

Историческая критика обнаруживает в проповеди Иисуса очень жесткий элемент, который усиливал панику слушателей: быть «праведником» по старым меркам уже не работало. Шок заключался в том, что благочестивые, соблюдающие закон иудеи (фарисеи) внезапно объявлялись Иисусом главными кандидатами на гибель, если они не изменят мышление («Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное», Мф. 5:20).

«Блаженные» — это не просто хорошие люди: Блаженными (счастливыми пред лицом Суда) объявлялись те, кто совершил безумный с точки зрения старого мира шаг: стал нищим духом, плачущим, жаждущим правды, гонимым. Спасение виделось не наградой за прошлые заслуги, а результатом полного, радикального доверия Иисусу прямо сейчас, в эпицентре шторма. Они понимали, что старый мир будет умирать в страшных судорогах («родовых муках»), но их упование строилось на том, что Судья этого мира — их Отец, и если они оставили всё ради Него, Он сохранит их среди космического огня.

Первый эсхатологический шок 30-х — 40-е годов закончился экономическим тупиком и необходимостью выживать. Община в Иерусалиме банально съела все ресурсы. Наступил голод. Жить в состоянии измененного сознания годами психологически невозможно. Потребовалось создавать структуры управления (так появились семь дьяконов для распределения еды в Деяниях 6). Шок ожидания Конца «завтра утром» плавно перерос в ожидание Конца «при нашей жизни». Люди вернулись к работе, но продолжали верить, что не успеют состариться до прихода Христа.

В терминах теории Леона Фестингера эта фаза стала первой попыткой справиться с когнитивным диссонансом: община нашла временное психологическое убежище, раздвинув временные рамки пророчества, но сохранив его ядро.

Второй, гораздо более глубокий экзистенциальный эсхатологический шок начался, когда первое поколение христиан начало физически умирать от старости и казней, так и не дождавшись Христа.

История Анании и Сапфиры

История об Анании и Сапфире (Деян. 5:1–11) относится к самому началу 30-х годов I века — то есть к периоду первого, самого острого эсхатологического шока, а не к более поздним 40–50-м годам.

эта история -иллюстрация Первого эсхатологического шока и той самой безумной паники «неуспевания».

Люди в иерусалимской общине продавали дома и землю, деля всё поровну (Деяния 4:32–35), не из-за социалистических убеждений. В условиях, когда Царство «у порога», собственность — это смертный приговор и обуза. Нужно скинуть балласт любой ценой. Этот текст является уникальным историческим свидетельством того момента, когда первый экстаз столкнулся с первыми признаками человеческого сомнения, а руководство общины ответило на это суровым террором.

Анания и Сапфира жили в условиях, когда отказ от частной собственности ради ожидания близкого конца света стал негласным, но жестким законом группы. Люди продавали всё и приносили деньги апостолам.

В условиях «чрезвычайного эсхатологического положения» поступок Анании и Сапфиры (они продали имение, но часть денег тайно утаили для себя) был не просто мелкой ложью. Это было преступлением против эсхатологического духа общины: попыткой "усидеть на двух стульях". В их жесте историки видят первые признаки сомнения. Они хотели быть частью «святого остатка», который спасется завтра, но на всякий случай решили оставить заначку на земное послезавтра.

Суровость наказания привела в шок первых верующих: в тексте прямо сказано: «*И великий страх объял всю церковь*». Шок был вызван тем, что Петр карает за это мгновенной смертью. На пороге Царства Божьего компромиссы со старым миром приравнивались к предательству.

Это событие не относят к 40–50-м годам, поскольку

в 40–50-е годы иерусалимская община жила уже в совершенно другой реальности, где подобный инцидент был бы просто невозможен.

Как показал Мартин Вернер в своем исследовании де-эсхатологизации, к этому времени первоначальное пламя призыва окончательно угасло, уступив место бытовому обустройству институтов.

К 40-м годам иерусалимские христиане уже полностью «проели» все деньги от первых распродаж. Община превратилась в массу хронически нищих людей: в текстах их так и называют — «нищие в Иерусалиме». Продавать больше было нечего.

К 50-м годам общиной управлял Иаков, брат Господень. Жизнь была регламентирована, первый экстатический шок угас. христиане Иерусалима пытались выглядеть как благочестивые, законопослушные иудеи, ходили в Храм и вели обычный, бедный быт.

Таким образом, трагедия Анании и Сапфиры — это памятник именно первой, радикальной фазе шока, когда община требовала от человека стопроцентного сжигания мостов, а любая попытка сохранить связь со старым миром каралась ужасом смерти.

Глава 5. Второй эсхатологический шок

Второй эсхатологический шок наступил примерно через двадцать лет после распятия, в 50-60-е годы I века. Это был шок совершенно иного рода — шок экзистенциального разочарования и когнитивного диссонанса, шок возвращения в историю, который заставил переосмыслить сами основы веры.

Второй шок произошел, когда первое поколение христиан начало физически умирать от старости и казней, так и не дождавшись Христа. Иисус обещал: «*Не преидет род сей, как всё это будет*» (Мк. 13:30). Но «род сей» начал умирать. В 62-м году в Иерусалиме казнят Иакова, брата Господня. В середине 60-х во время нероновских гонений в Риме погибают Петр и Павел. Уверовавшие замерли в ужасе: если "очевидцы" умирают, значит ли это, что пророчество Иисуса ложно? Что будет с теми, кто умер до Пришествия — они пропустили Царство?

Кульминация второго шока: 70-й год. Иудейская война и сожжение Иерусалимского Храма римлянами в 70 году стали абсолютным пиком эсхатологического кошмара. Для ранних христиан-иудеев разрушение Храма и гибель Иерусалима были теми самыми «родовыми муками» в их максимальной фазе. Всё выглядело так, будто мир рушится. Христиане ожидали, что вот сейчас, посреди дыма горящего Храма, небо раскроется и явится Сын Человеческий. Но небо промолчало. Храм превратился в пепел, Иерусалим был уничтожен, а Христос... снова не пришел в видимом триумфе на облаках. Это нанесло колоссальный удар по тем, кто еще ждал немедленной развязки.

Дым над пожарищем Храма рассеялся, Иерусалим превратился в руины, римские солдаты делили добычу, а триумф Христа в физическом мире так и не наступил.

Второй шок был шоком опустошения. Община оказалась лицом к лицу с необходимостью платить налоги Риму, хоронить друзей и как-то устраивать быт в мире, который отказался кончаться. Движение оказалось на грани полной деморализации.

Парадокс двойного эсхатологического шока заключается в том, что именно он спас христианство от участи локальной, быстро угасшей апокалиптической секты. Если бы раннее христианство осталось в рамках первого шока, оно бы исчезло как сотни других апокалиптических движений. Но именно второй шок заставил общину перестроиться. Пока очевидцы были живы, а конец близок, никто не писал книг. Но когда свидетели стали умирать, Церковь осознала: мы остаемся в истории. Шок задержки породил Евангелия. Устная традиция, создавала фундамент для будущих поколений.

Барт Эрман в своих работах наглядно показывает, как раннехристианские общины были вынуждены на ходу переписывать историю, спасаясь от тупика несбывшихся пророчеств. Если разложить Евангелия строго в хронологическом порядке их написания, перед нами откроется картина постепенного угасания и вытеснения первоначальной эсхатологической вести Иисуса.

Евангелие от Марка (ок. 70 г. н.э.), будучи самым ранним, зафиксировало Иисуса как пророка апокалипсиса. У Марка Иисус открыто говорит, что катастрофа произойдет при жизни Его слушателей: *«Есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие»* (Мк. 9:1). Конец света стоял прямо за дверью. Иисус начинает проповедь со слов: *"Время близко!"*. Он совершенно ясно дает понять, что конец наступит при жизни Его поколения. В Марка 9:1 Иисус говорит: *"Есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силу"*. Для Марка и его общины Конец Света стоял прямо за дверью.

Евангелие от Луки написано на 10-15 лет позже (ок. 80–85 гг. н.э.). Поколение Марка начинает массово вымирать, порождая «Второй эсхатологический шок». Как отмечает Барт Эрман, Лука, переписывая Марка, начинает аккуратно подчищать текст. Во время суда над Иисусом у Марка (14:62) Иисус говорит первосвященнику: *"Вы увидите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных"*, что означало, что первосвященник доживет до конца света. Но когда Лука пишет свое Евангелие годы спустя, этот первосвященник уже давно мертв, и Лука тонко меняет фразу (22:69): *"Отныне Сын Человеческий восседает"*

одесную силы Божией". Слова "и вы увидите Его грядущим" Лука просто вычеркивает. Конец света отодвигается в неопределенное будущее.

Прошло еще десятилетие. Первое поколение вымерло полностью. Пророчество о скором космическом суде провалилось. И Иоанн совершает гениальный переворот. В своем Евангелии (ок 90-95 г) он полностью убирает из учения Иисуса грядущую катастрофу и пришествие на облаках. Христианство Иоанна окончательно смирилось с задержкой, вычеркнуло календарные сроки и превратилось в религию земной истории. У Иоанна Иисус больше не проповедует о скором пришествии Сына Человеческого на облаках. Он вообще не говорит о грядущей катастрофе, потому что для общины Иоанна *этот прогноз уже не сбывлся*.

Иоанн заменяет будущее спасение на настоящее. У Иоанна "вечная жизнь" — это то, что верующий получает в свое сознание прямо сейчас, в момент веры. Конец Света стал внутренним событием. Суд идет прямо сейчас.

В отличие от синоптических Евангелий, где упор делается на будущую катастрофу и пришествие Сына Человеческого, Иоанн переносит фокус в настоящее время:

«Верующий в Него не судится, а неверующий уже осужден...» (Ин. 3:18). То есть Страшный Суд — это не событие в конце истории, это выбор человека прямо сейчас, в момент встречи с Христом. У Иоанна вечная жизнь — это не то, что начнется после воскресения мертвых в конце времен. Это то, чем верующий обладает уже в эту секунду: *«Слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь»* (Ин. 5:24). Вместо грозного возвращения Христа на облаках, Иоанн акцентирует внимание на обещании прислать Святого Духа Утешителя. Для Иоанна Христос уже «вернулся» к своим ученикам в лице Духа, который обитает внутри общины.

В рамках фундаментального социально-психологического анализа Эриха Фромма, детально описанного в его труде „Догмат о Христе“, этот грандиозный переворот Иоанна и Павла зафиксировал вторую, окончательную фазу трансформации. Первоначальный галилейский бунт нищих и маргиналов, требовавший немедленного разрушения старого мира, постепенно остыл, подчинился исторической реальности и превратился в покорную, метафизическую доктрину, идеально вписанную в структуру Римской империи.

Так, эсхатология была перенесена из внешнего космоса во внутренний мир человека. Ждать больше ничего не нужно. Христианство у Иоанна окончательно перестало быть апокалиптической сектой и превратилось в религию земной истории.

Вместо бродячих харизматиков на сцену выходят епископы, пресвитеры и диаконы. Община переходит к строительству глобальной сети — Церкви, способной существовать веками.

Двойной эсхатологический шок превратил христианство в уникальный сплав. От первого удара, от проповеди Иисуса, оно унаследовало свой радикализм, устремленность в Небо и презрение к земному тлену. От второго удара оно получило способность прочно стоять на земле, строить иерархию, создавать литературу и вписывать себя в долгую историю человечества. Локальное галилейское ожидание превратилось в глобальную церковную систему.

Выводы

Христианство родилось не из гладкого развития идеи, а из преодоления двух экзистенциальных катастроф - двойного эсхатологического шока.

Первый эсхатологический шок или Шок Приближения Царства Божьего был вызван проповедью Христа. Этика Христа являлась следствием его эсхатологии.

Нагорная проповедь — это не моральный кодекс для веков, а «*этика переходного периода*».

Второй эсхатологический шок был вызван столкновением верующих с продолжающейся историей и биологической смертью. Крах ожиданий произошел во время разрушения Иерусалима в 70 г. н.э.

Церковь переработала этот двойной удар, создав Евангелия и перенесла Царство Божие внутрь человека ("*реализованная эсхатология*" Иоанна).

Двойной шок обозначил два вектора христианства: вертикальный - радикальное устремление в Небо из Первого шока и горизонтальный способность жить и созидать в истории из Второго.

Глава 6. "Распятый Мессия" : "Сын Человеческий" или "Раб Божий" ?

Мессианские чаяния начала 1 века отличались многообразием, однако, преобладал традиционный взгляд на Мессию как на грядущего могущественного правителя народа Израиля, устанавливающего Царство здесь, на земле. Иисус же был распят вместо того, чтобы установить Царство. Идея о страдающем, убитом врагами Мессии была чужда иудеям (См. Приложение 1).

Ученики Иисуса, как и прочие евреи Палестины, вначале не допускали мысль, что Мессия, избранник, помазанник Божий, может быть распят, поскольку, согласно Писанию, "*Проклят всякий, висящий на древе*" (Втор.21:23): по закону Моисея, распятие ставит на Иисусе "клеймо проклятия". Представление о Мессии-Помазаннике, избраннике Божьем, которого Он же проклинал, казалось безумным: «*А мы проповедуем Христа распятого, для иудеев соблазн, для эллинов безумие*» (1 Кор 1:22-23). Ученики по дороге в Эммаус слышат от воскресшего Иисуса, что Христу (Мессии) "*надлежало пострадать и войти в славу Свою...и изъяснял им сказанное о Нем во всем Писании*" (Лк 24:26). Выходит, ранее это (о необходимости "пострадать" Мессии) им было неизвестно.

Послепасхальное переосмысление термина "мессия" легче понять, если предположить, что этот термин ассоциировался с Иисусом еще до Страстей. Если предположить, что это случилось лишь после его смерти, тогда невероятно сложно объяснить, какой логикой руководствовались те, кто прилагал термин с триумфальным ореолом к Иисусу распятому. Но последователи Иисуса считали его Мессией при жизни, и он был распят, значит, Мессия "*должен*

был" быть распят. Без Воскресения вся система притязаний Иисуса на роль Мессии рухнет на глазах:

« А если Христос не воскрес , то и проповедь ваша тщетна, тщетна и вера ваша» (1 Кор.1 15:14) .

Но если Иисус не умер и его смерть была только прелюдией для духовной эволюции, крест перестает быть проклятием и символом поражения, превращаясь в символ победы.

И все же идея воскрешения Богом распятого, т.е. "прОклятого" Им , казалась иудеям настолько абсурдной и настолько из ряда вон выходящей, что требовалось построить совершенно новую конструкцию, объясняющую смерть Иисуса-Мессии, т.е. трансформировать всю систему существующей традиции. Необходимо было установить связь его Воскресения с тем, что это произошло «согласно Писанию». Надо было узаконить всю цепочку: что Иисус как Мессия должен был «пострадать и воскреснуть из мёртвых в третий день» (ЛК 24:44-46).

«Источник» этой цитаты("согласно Писаниям") , подкрепляющей мессианские притязания , нигде в Ветхом Завете не указан, нигде не написано такое- ни у Моисея, ни у пророков, ни в псалмах. Во всей истории иудейской мысли не найдётся ни одной записанной строки, которая бы говорила, что Мессии надлежит пострадать, умереть и воскреснуть . Именно по этой причине последователям Иисуса было так трудно убедить своих соотечественников-иудеев, знающих тексты Писания.

Откуда же взялась идея о «Распятом Мессии»?

Была ли концепция о «Распятом Мессии» вынужденным изобретением потрясенных апостолов, или она могла зародиться в сознании самого Иисуса?

Историческая критика единодушна: Иисус Назарянин категорически отвергал популярные в его время чаяния о «Сыне Давидовом» — военно-политическом вожде, который придет с мечом, прольет кровь римлян и восстановит земной престол в Иерусалиме. Иисус не был воином. Его радикализм лежал в иной плоскости.

Центральным элементом самосознания Иисуса был образ Сына Человеческого из Книги пророка Даниила (Дан. 7:13-14). В еврейском апокалипсисе это космическая, трансцендентная фигура, непобедимый Судья, который явится «на облаках небесных», чтобы принять от Бога вечное Царство и судить народы. Но здесь мы сталкиваемся с парадоксом, который Бультман и Эрман считают неразрешимым: у Даниила Сын Человеческий торжествует, Он непобедим. Он не может быть предан, избит и распят язычниками.

Любая попытка представить Иисуса из Назарета как статичную фигуру, у которой с самого первого дня было готово завершённое учение, — это наследие церковного догматизма. Историческая критика требует от нас увидеть эволюцию взглядов Иисуса. Между тем Иисусом, который отправлял двенадцать учеников на проповедь по городам Галилеи, и тем Иисусом, который год спустя входил через Золотые ворота в Иерусалим, лежит пропасть: это были

как бы два человека с принципиально разным самоощущением и противоположными тактическими целями.

На первом этапе Иисус — классический апокалиптический оптимист. Он искренне верит, что Царство Бога уже на пороге, оно ломится в двери истории. Отправляя учеников, он дает им жесткую инструкцию: *«Не успеете обойти городов Израилевых, как придет Сын Человеческий»* (Мф. 10:23). Иисус ждет немедленного космического переворота. Он уверен, что Бог вот-вот вмешается, сокрушит власть тьмы и явит Свой триумф без пролития человеческой крови. Но ничего не происходит. Ученики возвращаются. Города Израиля обойдены. Небо молчит. Римские легионеры все так же несут караул в крепости Антония, а элита Храма продолжает подсчитывать барыши. Царство Бога не наступило. И именно в этой точке исторического тупика в сознании Иисуса происходит сдвиг : колесо истории, по выражению Швейцера, заклинило.

Этот внутренний надлом Иисуса стал результатом глубокого кризиса его неоправдавшихся первоначальных надежд. Как иудейский апокалиптик, он приходит к выводу, что Царство Бога задерживается по конкретной причине: силы зла еще не проявили себя в полной мере, а предреченные пророками бедствия — так называемые «родовые муки» нового века — еще не достигли своего пика. Напряжение истории оказалось слишком слабым, чтобы Бог вмешался. Раз мирный призыв к покаянию в Галилее не сработал, Иисус принимает радикальное решение изменить тактику. Он понимает, что этот финальный кризис необходимо спровоцировать лично. Он направляется в Иерусалим, в самый центр религиозной и политической власти, чтобы своим присутствием вызвать огонь на себя, заставить силы зла ополчиться против него и тем самым пробить брешь в молчании Небес.

Пока Иисус шел в Иерусалим с предчувствием возможного конца, в умах его спутников царил совсем иная атмосфера. Евангелия честно сохранили этот поразительный контраст. Двенадцать апостолов были одержимы предвкушением близкого триумфа. Они спорили по дороге, кто из них главнее, и искренне ожидали, что Иисус вот-вот запустит земное Царство, где им достанутся двенадцать кресел правителей колен Израилевых. Они ждали министерских портфелей и триумфального переворота. Иисус же, в отличие от них, трезво смотрел на вещи. Как пророк, бросающий вызов Синедриону и Риму, он прекрасно понимал, что идет на смертельную опасность. Он не мог не искать глубокого библейского обоснования для своей возможной гибели — ведь его смерть должна была иметь смысл для грядущего Царства, а не выглядеть случайным поражением. Он вошел в Иерусалим не как мирный учитель, а как пророк, предсказанный Захарией, в образе Мессии, приветствуемый ликующими толпами. После этого триумфального входа в святой город он совершает *«акцию по очищению» Храма*, парализовавшую на какое-то время его священную деятельность. В этот последний период Иисус постоянно представляет и именуется Сыном Человеческим. Этот образ взят из Книги пророка Даниила — космический, трансцендентный правитель, которому Сам Бог вручает власть и суд над миром. Именно так представляет Иисус свое будущее явление на облаках небесных, свидетелями которого станут Каиафа и весь Синедрион.

После гибели Иисуса перед учениками встал вопрос: **как соединить непобедимого космического Судью — Сына Человеческого — с позорной, бессильной смертью на римском столбе?**

Современная библеистика разделилась на несколько лагерей, пытающихся объяснить, **как ранняя община вышла из этого тупика.**

Гипотеза Швейцера-Иеремиаса

В начале XX века великий гуманист и библеист Альберт Швейцер, а позже выдающийся лингвист Иоахим Иеремиас выдвинули гипотезу: исторический Иисус совершил ментальный прорыв. Перед лицом неминуемого столкновения с властями Иерусалима Иисус *объединил две доселе несвязанные фигуры: непобедимого Сына Человеческого из Даниила и Страждущего Раба из Исаии 53.*

Защитники этой теории (включая Н. Т. Райта) утверждают, что Иисус переосмыслил космический суд. Чтобы Царство Бога наступило, Израиль должен быть очищен от греха. И этот удар, этот суд, Сын Человеческий должен принять на себя, став «Рабом», отдающим *«душу свою для искупления многих»* (Мк. 10:45). Именно поэтому на допросе у первосвященника Иисус связывает свой позор с будущим триумфом: *«вы узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных»* (Мк. 14:62).

Для Райта это доказывает: Иисус шел на крест сознательно, видя в распятии не крах, а запуск космического Царства.

Консервативный лагерь в лице Н. Т. Райта утверждает, что Иисус еще при жизни сам объединил образ Сына Человеческого с пророчеством Исаии о Страждущем Рабе. Райт пишет:

«Иисус действительно был апокалиптическим пророком, но установление Царства Бога он видел иначе. Как пророк, он прекрасно понимал динамику власти в Иерусалиме. Он знал, что его вызов храмовой элите и Риму приведет к казни. Исторический Иисус не был глупцом или фанатиком, застигнутым врасплох Пилатом. Ему требовалось глубокое иудейское библейское обоснование: почему Мессия должен пострадать от рук язычников? Единственным текстом во всем корпусе Писаний, который объяснял, как страдание праведника приносит победу Бога над силами зла, была 53-я глава Исаии. Иисус применил ее к себе, потому что видел в этом единственный путь к запуску Нового Исхода и прощению грехов Израиля».».

Радикально-скептический лагерь, возглавляемый Бартом Эрманом, напротив, лишает Иисуса всякой способности мыслить наперед. Эрман утверждает:

«Исторический Иисус был апокалиптическим пророком, который ожидал, что Бог вмешается и уничтожит римских оккупантов при его жизни. Его казнь стала сокрушительной катастрофой. Концепция "Страдающего Мессии" — это вынужденная скорая теологическая помощь, созданная потрясенными учениками после Пасхи. Они перерыли Писания, нашли Исаию 53 и ретроспективно вложили этот синтез в уста Иисуса».

И Райт, и Эрман проявляют очевидную предвзятость. Райт искусственно превращает Иисуса в кабинетного профессора, который при жизни хладнокровно подгонял свои мысли

под будущий церковный догмат. Эрман, напротив, выставляет его растерянным сектантом, а неграмотных галилейских рыбаков — гениями, создавшими сложнейший концепт с нуля.

Пасхальный «когнитивный диссонанс»

С позиции исторического скептицизма Барта Эрмана, гипотеза Швейцера выглядит слишком красивой, чтобы быть исторической правдой. Идеи «Сын Человеческий» и «Страждущий Раб» в иудаизме I века существовали в параллельных вселенных. Объединить их — значило бы говорить на языке, который не понял бы ни один из двенадцати апостолов (что, собственно, Евангелия и отражают: ученики регулярно впадают в ступор при предсказаниях о смерти).

Эрман и Фредриксен утверждают: *Иисус шел в Иерусалим как апокалиптический пророк, ожидая, что Бог вмешается и установит Царство прямо сейчас, защитив Своего посланника. Смерть была шоком. Крик «Для чего Ты Меня оставил?» — это крушение веры в скорый триумф.*

Паула Фредриксен:

"После шокирующей и позорной казни Иисуса на кресте его ученики столкнулись с жесточайшим когнитивным диссонансом. Чтобы оправдать этот крах, они бросились перерывать Писания и нашли Ис. 53, переписав воспоминания об Иисусе так, будто он сам это планировал. Марк пишет свое Евангелие после 70-го года, уже зная о разрушении Иерусалима и развитии богословия Павла».

«Иисус, которого мы видим в истории — это апокалиптический пророк Царства Бога. Он шел в Иерусалим не для того, чтобы умереть за грехи человечества, а для того, чтобы провозгласить, что Бог вот-вот установит Свое Царство, сокрушит язычников и восстановит 12 колен Израиля. Он ожидал божественного вмешательства, а не римских гвоздей. Его смерть была трагической ошибкой Пилата, который испугался беспорядков на Пасху. Приписывать Иисусу сознательное стремление стать "жертвой за грех" — значит превращать исторического иудейского пророка в систематического богослова IV века».

Э. П. Сандерс (в поддержку Фредриксен):

"Евреи времен Иисуса не были глупцами, у них была прекрасно работающая система примирения с Богом. Это Храм и жертвоприношения. Зачем Иисусу нужно было конструировать сложнейшую, не виданную ранее теорию о том, что его собственная смерть заменяет собой Храм и исполняет Ис. 53?

Иисус атаковал торговцев в Храме не потому, что хотел упразднить жертвы своей смертью, а как пророк, предрекавший эсхатологический суд и очищение. Самое достоверное, что мы знаем об Иисусе — это его действия (крещение, выбор 12 учеников, скандал в Храме, распятие). Ни одно из его подтвержденных действий не требует гипотезы о том, что он

считал себя Рабом из Исаии. Идея "смерти за грехи многих" — это чистая рефлексия Павла и общины, пытавшихся переварить позор Креста».

Вывод: Концепция «Распятого Мессии» — вынужденная теологическая «скорая помощь», созданная учениками после Пасхи. Столкнувшись с позором распятия своего лидера, они были обязаны либо признать себя обманутыми, либо заявить, что позор был частью плана.

Иллюзия совпадения

Защитники версии об Исаии 53 исходят из того, что эта глава кажется точным описанием Голгофской катастрофы. Текст Исаии содержит конкретные детали, которые ученики легко наложили на обстоятельства распятия: пронзенные руки и ноги, казнь посреди двух разбойников, погребение в гробнице богатого человека и молчание Иисуса перед Пилатом и пр.

С самого зарождения христианской веры христиане часто ссылались на некоторые отрывки Ветхого Завета как пророчества о грядущем страдающем Мессии — особенно Ис 53 и Пс 21, в которых некто терпит страшные муки, иногда подчеркнуто за чужие грехи. В качестве одного из доказательств того, что Мессия ДОЛЖЕН пострадать, приводится отрывок (53 глава) из книги пророка Исаии, хотя в тексте нет никакого намека, что Раб Божий является Мессией. Пророк прямо и неоднократно называет «Рабом» сам депортированный в Вавилон народ Израиля, а не какую-то отдельную мессианскую фигуру: «А ты, Израиль, раб Мой, которого Я избрал, семя Авраама, друга Моего...» (Ис 41:8); «А ныне послушай, Иаков, раб Мой, и Израиль, которого Я избрал» (Ис 41:4); «Помни это, Иаков и Израиль, ибо ты раб Мой; Я образовал тебя, раб Мой ты, Израиль, не забывай Меня» (Ис 44:21); «И сказал мне: ты раб Мой, Израиль, в тебе Я прославлюсь» (49:3).

Тем не менее, в образе страдающего раба из пророчества Исаии христиане увидели историю Мессии Иисуса, который будучи невинным праведником, так же безропотно страдал, как и «Раб» у Исаии. Они решили, что страдания и распятие были предсказаны, что таков был замысел Божий.

Таким образом, чтобы объяснить факты, связанные не с традиционным иудейским, а с христианским представлением о страдающем Мессии, была создана **принципиально новая богословская концепция**.

Но был ли сам живой Иисус этим безмолвным Рабом? Ответ отрицательный. Между произведением Исаии и историческим Иисусом лежит непреодолимая дистанция. Образ Раба во Второисаии создавался в шестом веке до нашей эры, под непосредственным, удушающим влиянием Вавилонского плена. Главный вопрос пророка — вопрос национальной вины: почему Бог нас наказал? Ответ Исаии полон скорби: Израиль страдает в плену из-за собственных грехов. Победа здесь достигается через абсолютное, безмолвное смирение: «как овца, веден был Он на заклание». Это психология беззащитного узника, признающего вину.

Что общего между этим покорным отроком Вавилонского плена и той колоссальной глыбой, которой был Иисус? Исторический Иисус никогда не был пассивной жертвой. Он собирал тысячи обожающих его людей, которых лечил и учил. Он устроил погром в Храме и публично

обличал первосвященников. Это был мощный пророк, бросивший вызов системе. Иудаизму первого века эпохи римской оккупации была органически чужда идея безмолвного увядания. Иисус мыслил категориями Сына Человеческого, а не Раба Исаии 53.

Здесь необходимо сделать принципиальную оговорку: Иисус не хотел умирать. Это следует из самих евангельских текстов. Он не искал гибели, напротив избегал ареста, все его действия говорят об этом. Но как великий, трезвый мыслитель своего времени, он не мог не предвидеть, к чему приведет его атака на храмовую элиту. Иисус понимал, что финал может быть смертельным. И перед лицом этой смертельной опасности ему было жизненно необходимо дать объяснение предстоящему исходу — но объяснение себе самому, в своем предстоящем диалоге с Богом, а вовсе не тем двенадцати спутникам, которые в это время радовались возможности из галилейских рыбаков превратиться в правителей земного царства. И это внутреннее объяснение Иисус мог найти на той почве, на которой вырос — в устной маккавейской традиции.

Он взял готовую народную матрицу верности и телесного Восстановления, но поднял её на абсолютную, космическую высоту. Иисус шел в Иерусалим как Сын Человеческий, готовый принять весь удар сил зла на себя, зная, что за его верность Богу оккупанты возможно, растерзают его тело, но Сам Творец физически восстановит его для финального космического суда.....

Маккавейская альтернатива

Отказавшись от Исаии 53 как от чуждой текстовой планеты, мы обнаруживаем, что ученикам вообще не нужно было искусственно конструировать сложные схемы. Реальная история иудейского народа предлагала им гораздо более близкий и понятный сценарий, идеально соединявшийся с образом Сына Человеческого. Это была устная маккавейская традиция, изложенная позже в Маккавейских Книгах.

Всего лишь за два века до Христа иудейский народ столкнулся с террором сирийского царя Антиоха Епифана, пытавшегося силой искоренить иудаизм. В ответ вспыхнуло восстание под предводительством рода Маккавеев. Но главным символом эпохи стал феномен массового мученичества. Старец Елеазар и семеро братьев Маккавеев предпочли умереть под страшными пытками, но не предать Бога. Именно тогда в иудейской мысли родилась идея: *если праведник гибнет от рук оккупантов за свою верность, его смерть приближает праведный суд Бога над тиранами*. А главное — Маккавеи шли на казнь с абсолютной уверенностью в том, что за верность Завету Бог вернет им их растерзанные тела. Телесное Восстановление (Воскресение) из праха земли стало главным эсхатологическим ответом иудеев на действия земных властей.

Книга пророка Даниила (откуда взят титул Сына Человеческого) и предания о маккавейских мучениках родились в одну и ту же историческую эпоху, в огне одного и того же сопротивления. Более того, у Даниила Сын Человеческий изначально является воплощением тех самых замученных оккупантами праведников. В иудаизме времен римской оккупации история Маккавеев передавалась из уст в уста и была живым народным эпосом. Мученики не были безмолвными овцами: они открыто бросали вызов палачам, проклинали захватчиков и обещали им скорый суд Небес.

Как возникла жертвенная концепция Голгофы ?

Когда римский закон уничтожил Пророка на кресте, а первые ошеломляющие видения Воскресения заставили учеников поверить, что он жив, возник тяжелейший тупик. Царство не наступило, Рим продолжал править, а Сын Человеческий почему-то задерживался на небесах. И в этот момент ранняя община обнаружила, что внешние, чисто случайные детали исторического распятия Иисуса ошеломляюще совпали со строками древней 53-й главы Исаии.

В этом не было ничего теологически гениального, как пытаются доказать консервативные библеисты, утверждающие, будто сам Иисус передал им эти идеи. Община просто отталкивалась от того, что было реально известно — от фактов исторического распятия. Они использовали Исаию как экстренный теологический щит, чтобы заглушить Первый эсхатологический шок.

Но была и вторая, куда более прагматичная причина, по которой Исаия вытеснил Маккавеев. Евангелия писались и редактировались после 70-го года — после того, как Рим в крови утопил Иудейское восстание. Христианские авторы пытались выжить в Империи, которая уничтожала любого, в ком подозревала еврейский национализм. В этих условиях создатели Евангелий не могли, не имели права брать на вооружение образ патриотов-Маккавеев. Сказать, что Иисус умер как героический Маккавей, вдохновлявший на борьбу с оккупантами, означало подписать смертный приговор всей Церкви.

Ранним христианам было жизненно необходимо увести Иисуса с линии политического огня. И они совершили подмену: они спрятали маккавейский каркас Иисуса и одели распятого галилейского лидера в одежды безопасного, безмолвного, *чисто духовного Раба Исаии*, который смиренно *умирает за абстрактные грехи мира и не несет никакой угрозы римскому Цезарю*.

Примечание автора: «Заговор молчания» библеистики

Поразительный факт: эта мощная маккавейская гипотеза, которая так логично объясняет связь Сына Человеческого с готовностью к смерти, не нашла подтверждения и была фактически проигнорирована гигантами современной библеистики. Ни Бульман, ни Сандерс, ни Эрман, ни Райт не захотели увидеть в устной маккавейской памяти ключ к самосознанию Иисуса. Консерваторам вроде Райта эта идея мешала, так как лишала их возможности навязать Иисусу христианское догматическое прочтение Исаии 53. Скептикам вроде Эрмана она мешала потому, что разрушала их образ Иисуса как «растерянного и обманувшегося сектанта», лишенного всякого предсмертного плана.

Эта гипотеза была поднята на щит сравнительно недавно — в работах немецкого исследователя Эдуарда Лозе (1955 г.), а затем развита в трудах Яна ван Хентена и Паулы Фредриксен. Они доказали, что устное предание о Маккавеех было живой ментальной почвой Иудеи I века. Но титаны науки, запертые в башнях собственных многотомных произведений, предпо-

чили отвергнуть эту живую альтернативу, оставив библеистику в тупике выбора между Исаией и полным теологическим хаосом.

Глава 7. Виртуальный «круглый стол» библеистов: Эсхатология и Царство Божие в проповеди Иисуса Христа

В современной исторической науке существует твердый консенсус: Иисус из Назарета — реальная историческая личность. Но как только исследователи пытаются очистить его образ от двух тысяч лет церковных догм, начинается бескомпромиссная интеллектуальная война. Ведущие библеисты мира смотрят на одни и те же древние рукописи, но видят принципиально разных людей.

Главный узел этого спора — прижизненная эсхатология Иисуса и природа Царства Божьего. Верил ли он в скорый, буквальный конец света, или его проповедь была социальной программой? Чтобы разобраться в этом вопросе, мы привлекаем к дискуссии главных титанов библеистики — от отцов-основателей метода до современных профессоров-антагонистов, разделив их на три концептуальных лагеря.

Патриархи и фундамент критической школы:

Герман Самуил Реймарус (1694–1768): Родоначальник исторического поиска, впервые заявивший о полном разрыве между реальными целями Иисуса и теологическим вымыслом его учеников.

Эрнест Ренан (1823–1892): Главный представитель романтической либеральной теологии XIX века, превративший Иисуса в «прекрасного галилейского идеалиста».

Уильям Вреде (1859–1906): Лидер литературного скептицизма, доказавший, что Евангелия — это не хроники, а памятники поздней теологии.

Альберт Швейцер (1875–1965): Титан библеистики, закрывший эпоху наивных биографий и вернувший Иисуса в контекст еврейского апокалипсиса.

Лагерь №1. Апокалиптический мейнстрим -против Христианского историзма:

Барт Эрман: Профессор Университета Северной Каролины, секулярный историк-агностик, защищающий тезис об Иисусе как пророке ошибочных космических сроков.

Н. Т. Райт: Профессор Сент-Эндрюсского университета, англиканский епископ, отстаивающий историчность Евангелий через призму иудейского символизма.

Э. П. Сандерс: Один из столпов «Третьего поиска Исторического Иисуса», доказавший сугубо эсхатологический и храмовый характер проповеди Иисуса Христа.

Лагерь №2. Еврейский хасидизм и социальный радикализм — против апокалиптики:

Геза Вермеш: Профессор Оксфордского университета, исследователь свитков Мертвого моря, рассматривающий Иисуса как «галилейского хасида» — харизматика и чудотворца.

Давид Флуссер: Профессор Еврейского университета в Иерусалиме, ортодоксальный иудей, доказавший близость Иисуса к фарисейской школе Гиллеля.

Джеймс Дани: Профессор Даремского университета, эксперт по исследованию устной традиции .

Джон Доминик Кроссан: Сооснователь американского «Семинара по Иисусу», видящий в Иисусе нерелигиозного странствующего мудреца-киника.

Лагерь №3. Политическая революция, нейтралитет и устная традиция:

Хайам Маккоби: Британский еврейский историк, автор теории об Иисусе как мессианском повстанце-зелоте.

Мартин Хенгель: Немецкий лютеранский историк, величайший эксперт по теме еврейских восстаний той эпохи.

Джон П. Мейер: Католический священник, профессор. Автор многотомного труда «Маргинал из Назарета»

Ведущий (Автор): Дискуссию открывают представители классической критической школы, заложившие фундамент исторического поиска.

Герман Самуил Реймарус: Господа, нужно признать очевидное: Иисус был иудеем, обращавшимся к иудеям. Он проповедовал близкое, осязаемое, политическое Царство Божье, которое избавит Израиль от римского рабства. Его проповедь провалилась, его казнили. И тогда его ученики украли тело, придумали Воскресение и полностью переписали его учение, превратив несостоявшегося земного царя в духовного Спасителя мира. Иисус не менял сути еврейской религии и не вводил новых догм. Под Царством Небесным он и его слушатели понимали одно и то же: освобождение от римского ига и установление мощного земного царства Израиля. Его проповедь была призывом к немедленной подготовке к этому великому перевороту.

Эрнест Ренан: Мой дорогой Реймарус, вы судите этого гения слишком строго, как политического заговорщика. Я же увидел в нем человека. Иисус — это величайший этический гений, прекрасный галилейский идеалист. Он ходил по холмам Галилеи и проповедовал

чистую религию духа, поэзию любви и свободу от душного ритуализма. Его «Царство» было прекрасной пасторальной мечтой чистой души.

Уильям Вреде: Слушать вас, господин Ренан, затруднительно для историка. Ваша «Жизнь Иисуса» — это художественная проза, а не наука. Евангелия насквозь пропитаны теологическим вымыслом. Иисус у Марка постоянно запрещает говорить, что он Мессия. Почему? Да потому что исторический Иисус никогда не считал себя Мессией! Ранняя церковь после его смерти столкнулась с неудобным фактом: при жизни Иисуса никто не знал о его мессианстве. И тогда они ввели литературный концепт «мессианской тайны».

Альберт Швейцер: Вы, Ренан, совершили фундаментальную ошибку: вы посмотрели в глубокий колодезь истории, надеясь увидеть там реального Иисуса, но увидели лишь собственное отражение — современного европейского гуманиста и либерального джентльмена. Либеральный Иисус, этот добрый учитель индивидуальной морали, проповедовавший Царство Божье как внутреннее состояние человеческой души, никогда не существовал! Эта фигура была сконструирована либеральной мыслью ради её собственных целей и не имеет ничего общего с реальным историческим Иисусом из Назарета.

Иисус не был поэтом. Он был еврейским апокалиптиком Первого века. Он жил в атмосфере ожидания скорого Конца Истории. Он выгнал торговцев из Храма не ради социальной справедливости, а чтобы запустить космические часы Бога. И когда Бог не вмешался, он добровольно пошел на крест, надеясь своей смертью принудить Небеса остановить время. Иисус из Назарета не поддается модернизации... Он схватился за колесо мировой истории, чтобы повернуть его и вызвать финальный катаклизм... Но колесо повернулось в обратную сторону и раздавило его. Вместо космического Царства на землю пришла обычная история... Исторический Иисус останется для нашего времени чужаком и загадкой.

Эрнест Ренан: Альберт, вы предлагаете нам вместо живого человека фанатика катастрофы. Но если бы Иисус был лишь пророком близкого Конца Света, его имя забыли бы через неделю после его казни, как забыли десятки других апокалиптиков той эпохи. Его весть о Боге-Отце и братстве чистых сердцем оказалась шире и глубже временных страхов перед Концом Света.

Ведущий (Автор): Границы дискуссии начерчены Швейцером. Переходим к дебатам современных школ. Прошу участников высказываться последовательно, оперируя только фактами.

Барт Эрман: Швейцер прав в главном: Иисус был апокалиптическим пророком. Откройте Евангелие от Матфея (10:23) или от Марка (13:30). Он прямо обещает, что Конец Света наступит при жизни его поколения — ученики не успеют обойти городов Израиля. Иисус просто ошибся со сроками. Пытаться читать это иначе — значит заниматься теологическим самообманом. Если мы хотим понять Иисуса, мы должны признать, что его проповедь потерпела крах в своих хронологических ожиданиях. Он не был учителем вечных истин для XXI

века; он был пророком I века, который обещал, что Бог вмешается в историю ещё при жизни его слушателей. И этого не случилось.

Н. Т. Райт: Барт, вы совершаете методологическую ошибку. Падающие звезды и пришествие на облаках — это цитирование Даниила. Для еврея I века это означало сокрушительный социально-политический суд над Иерусалимом. И это пророчество буквально и страшно сбылось в 70-м году, когда римские легионы сожгли Храм. Иисус не ошибся, его пророчество исполнилось внутри истории. Буквальное, буквоедское прочтение апокалиптического языка Иисуса полностью искажает его суть. Иисус использовал эти яркие метафоры не для того, чтобы составить расписание конца вселенной, а чтобы заявить: в его собственной судьбе, в его кресте и в грядущем падении бунтующего Иерусалима Бог Израиля совершает свой окончательный суд.

Барт Эрман: Том, это классическая церковная попытка спасти Иисуса от его собственной ошибки! Евангелия Марка и Матфея редактировались после 70-го года. Их авторы уже знали о сожжении Иерусалима и ретроспективно вложили это «пророчество» в уста Учителя. Но Иисус обещал не просто разрушение каменных стен, Он обещал космический Суд и явление Сына Человеческого на облаках! Храм сгорел, а Небеса промолчали.

Джон Доминик Кроссан: Коллеги, вы оба заперлись в рамках апокалиптического мифа, споря о сроках катастрофы! Иисус — социальный революционер, «еврейский киник». Его Царство Божье — это программа радикального равенства «здесь и сейчас». Он демонстративно садился за один стол с блудницами, мытарями и прокаженными, сознательно сокрушая религиозные, гендерные и сословные иерархии Римской империи. Царство Божье в проповеди Иисуса было не будущим апокалиптическим событием, а настоящим радикализмом. Это было общество, бросившее вызов как религиозным, так и политическим властям Римской империи.

Давид Флуссер: Джон, помилуйте, какие греческие киники в сельской Галилее? Это чистой культуры модернизация истории! Иисус был стопроцентно верным Торе евреем, близким к этической школе раввина Гиллеля. Его сострадание к нищим — это не греческая философия, это чистая еврейская концепция Цадака (справедливости и милосердия). Его Царство Божье — это не модернистская революция, а прорыв божественной любви через повседневное благочестие. Иисус не проповедовал против еврейского Закона, он доводил его до совершенства через любовь... Его концепция Царства Божьего — это не человеческая утопия, а живое присутствие Бога, которое прорывается в наш мир через исцеления и прощение грехов.

Джон Доминик Кроссан: Давид, школа Гиллеля сидела в Иерусалиме и академически спорила о ритуальной чистоте! А Иисус шел к изгоям общества ...

Хайам Маккоби: Уважаемые коллеги, вы все уходите в область чистой теологии, усыпляя нас сказками о пацифизме. Давайте взглянем на юридический факт: Иисус был казнен на римском кресте. Это наказание применялось исключительно за политический мятеж против Империи. Вспомните мечи у учеников в Гефсимании, вспомните силовой погром в Храме. Иисус был мессианским повстанцем, зелотом, который шел освобождать Иудею от римского

ига! Иисус не был основателем новой религии и не был мягким учителем морали. Он был еврейским Мессией в подлинном смысле этого слова — политическим лидером, поднявшим восстание против римской оккупации во имя освобождения Иудеи. Его арест и распятие на римском кресте — прямое тому доказательство.

Мартин Хенгель: Хайам, ваша теория — абсолютная фантазия. Этика радикального ненасилия Иисуса («любите врагов») делала его врагом zelotim. Два меча в Гефсиманском саду против римской когорты — это не армия повстанцев, а обычное средство для защиты от разбойников. Если бы он был лидером военного бунта, Пилат распял бы весь его отряд. Но арестовали одного Иисуса. Римляне понимали: его движение не является военной угрозой Империи. Его казнь была превентивным шагом Пилата, купировавшего потенциальный источник массовых беспорядков во время Пасхи. Попытка превратить Иисуса в zelota или скрытого политического революционера полностью игнорирует уникальность его вестей. Его призыв к отказу от насилия и радикальной любви к врагам подрывал сами основы националистического повстанческого движения.

Джеймс Дани: Коллеги, вы конструируете теории на основе письменного текста Нового Завета, забывая о пласте устной традиции. Первые десятилетия воспоминания об Иисусе передавались устно внутри еврейских общин. Память сохранила не образ греческого философа или zelota, а образ еврейского учителя, который производил глубокое, неизгладимое впечатление на свидетелей именно своими мессианскими притчами. Его трапезы были не социальным протестом, а эсхатологическим пиром — демонстрацией того, что в Царство Бога званы все. Исторический Иисус — это тот Иисус, который запечатлелся в памяти его первых учеников. Анализ устной традиции показывает, что в самом ядре веры лежало сильнейшее впечатление от его авторитета. Он проповедовал Царство как реальность, которая трансформирует настоящее через веру и устное слово.

Э. П. Сандерс: Хайам, называть символический жест Иисуса в Храме «вооруженным захватом» — это абсолютное непонимание контекста. Погром столов менял — это был эсхатологический символ. Иисус пророчествовал о том, что этот Храм будет разрушен Богом, чтобы уступить место Храму Новой Эпохи. Именно это эсхатологическое заявление напугало первосвященников, которые сдали его Пилату. Действия Иисуса в Храме не были политическим бунтом или попыткой очистить торговлю. Это был пророческий знак грядущего разрушения. Иисус как апокалиптический пророк верил, что старый Храм должен исчезнуть, чтобы Бог воздвиг новый Храм для Нового Века. Именно это эсхатологическое заявление напугало первосвященников.

Геза Вермеш: Слушая ваши аргументы, коллеги, я вижу, как вы все попадаете в теологическую ловушку греческих редакторов Евангелий конца I века, написанных после разрушения Иерусалима, когда ранняя церковь уже была пропитана эсхатологической паникой. Вы цитируете притчу о десяти девах и закрытых дверях как доказательство того, что Иисус запугивал толпу Концом Света. Но как эксперт по семитским текстам той эпохи я утверждаю: Иисус вообще не говорил эту притчу в таком виде! Притча о девах — это классическое творчество более поздней христианской общины, которая сорок лет сидела и ждала обещанного пришествия. Это церковь находилась в панике из-за того, что «Жених замедлил» (Мф. 25:5)! Это

редакторы Евангелий вставили в уста Иисуса мотив «двери закроются». Исторический Иисус этой притчи не знал.

Вы зададите вопрос: если Иисус проповедовал Нагорную проповедь как элитарную утопию для единиц, почему возник шок и почему его казнили? Шок толпы и паника властей были вызваны не страхом перед космической катастрофой. Они были вызваны революционным характером его харизматического авторитета. Иисус пришел к подножию горы и сказал нищей, раздавленной толпе: «Вы — блаженны. Не завтра, после взрыва планеты, а прямо сейчас. Бог любит вас лично, без посредничества иерусалимских первосвященников, без их бесконечных ритуалов и храмовых налогов».

Иисус не запугивал людей «родовыми муками», он освобождал их от страха. Он даровал им внутреннюю свободу. И эта весть распространялась как лесной пожар. Почему его казнили? Да именно потому, что эти «избранные единицы» на глазах превращались в тысячи! Рим и Каиафа испугались того, что Иисус создает альтернативное общество внутри Империи. Люди, получившие эту тотальную духовную свободу, переставали бояться Храма и Рима. Их нельзя было запугать судом или нищетой. Римский крест был ответом системы на радикальную суверенность человеческого духа, которую Иисус пробуждал в каждом галилейском бедняке. Иисус Первого века — это не Христос последующей церковной теологии, а галилейский святой, харизматик, чья сила заключалась в его личной связи с Богом, которого он называл Авва. Его проповедь Царства была призывом к немедленному возвращению к чистой вере отцов, освобождающей от страха.

Ведущий (Автор): Ваш аргумент виртуозен, профессор Вермеш. Вы выстроили прекрасную, изящную защиту своего «хасида». Но теперь я обязан сбросить маску нейтрального модератора, открыть карты перед всеми вами и заявить, ради чего на самом деле я собрал вас за этим столом. Я — автор книги, её рабочее название: «Двойной эсхатологический шок и рождение христианства».

И мой тезис радикален: Первый объективный эсхатологический шок запустил именно Иисус. К вашей теории, Геза, у меня есть два жестких вопроса, которые разбивают ваш концепт «элиты духа» напрочь. Вопрос первый: о реакции толпы. Вы утверждаете, что Иисус проповедовал элитарную утопию Нагорной проповеди только для избранных единиц, а притчу о закрытых дверях и «родовых муках» сочинила церковь. Но посмотрите на реакцию маргинальной толпы! Если бы Иисус был просто социальным целителем, его Нагорная проповедь действительно была бы лишь приятной сказкой. От приятных проповедей о милосердии толпа не приходит в чудовищный шок! От поэзии духа не рвутся семейные связи и люди не впадают в панику! Толпа была потрясена именно потому, что Иисус объявил эсхатологический ультиматум. Ставки были смертельно высоки: время коротко, и двери вот-вот закроются.

Вопрос второй: о причине казни. Вы кастрировали эсхатологию Иисуса, Геза, и тем самым сделали необъяснимым и шок толпы, и римский крест. Если ваши духовно свободные люди — это единицы, они абсолютно безопасны для Рима. Римляне не трогали ессеев в Кумране. Государственная машина распинает только тогда, когда видит физическую угрозу. Пилат приколотил Иисуса к кресту потому, что массы, взвинченные его ультиматумом о близком суде, вышли из-под контроля.

И здесь моя главная опора — не поздние Евангелия, а апостол Павел. Профессор Швейцер, Эрман, дайте профессору Вермешу ответ с позиции нашего главного независимого свидетеля — Павла из Тарса.

Альберт Швейцер: Вы абсолютно правы, уважаемый Автор! Профессор Вермеш, слушать ваши аргументы о том, что апокалиптический испуг был сочинён греческой Церковью на исходе века — значит закрывать глаза на факт существования Павла. Давайте откроем Первое послание к Фессалоникийцам (4:15–17), написанное в 50-м году. Прошло всего 17 лет со дня казни Иисуса. Еще нет ни одного Евангелия, Храм в Иерусалиме стоит и процветает. Но Павел прямо включает себя и своих современников в число тех, кто физически застанет Конец Света и встретит Господа на облаках. Павел не цитирует притчи Иисуса, он не знает вашего «хасида». Но Павел транслирует то, что принял от первой общины — объективный эсхатологический шок. *Проповедь Иисуса вызвала столь мощный апокалиптический взрыв, что этот импульс заставил Павла и первые общины жить в режиме чрезвычайного положения.* Если Иисус не запускал Первый шок, то Павел в 50-м году выглядит сумасшедшим, взявшим свои взгляды из ниоткуда. Но Павел — не безумец, он — зеркало, отразившее время Назарянина!

Барт Эрман: Автор нашел безупречную точку. Вся ранняя проповедь Павла — это прямое следствие объективного эсхатологического шока, запущенного Иисусом. Посмотрите на кризис в Фессалониках: люди впали в дикую панику, потому что несколько членов общины умерли до пришествия Христа. Община парализована, люди бросают работу, потому что «время уже коротко». Павел не выдумывал этот апокалипсис ради теологии — он сам пытался потушить пожар, вызванный ультиматумом Галилеянина. Первый шок был объективной реальностью, и именно он привел Иисуса на крест. Заявления о том, что завтра богат в аду, а нищий Лазарь на лоне Авраамовом — не были бальзамом, усыпляющим толпу. Иисус предсказывал «родовые муки» Мессии, он требовал быть готовыми, иначе двери закроются — и это конец. Ставки были смертельно высоки!

Э. П. Сандерс: Полностью поддерживаю Автора. Традиционные представления о «родовых муках Мессии» полностью разделял сам Иисус. Конфликт внутри еврейских семей из-за его проповеди, когда сын восстает на отца, а домашние становятся врагами — это не поэтические метафоры и не призыв к абстрактной душевной свободе. Это суровые, осязаемые реалии палестинского апокалипсиса I века. Иисус требовал от толпы немедленного разрыва с прежним миром, потому что этот мир, по его убеждению, подлежал тотальному уничтожению.

Геза, вы утверждаете, что Рим не казнил за утопию, и это правда. Но Рим распял Иисуса именно потому, что его проповедь о близком суде и закрывающихся дверях вывела массы из-под контроля социума. Взвинченная ультиматумом Иисуса толпа перестала бояться государственной машины. С позиции исторической науки, именно Павел — ваш главный обличитель. Тот факт, что в 50-м году, спустя всего семнадцать лет после Голгофы, Павел оперирует этой раскаленной лавой неотложного ожидания Конца, доказывает: первый эсхатологический шок был запущен в Галилее, а не сочинен греческими редакторами на исходе столетия.

Ведущий (Автор): Спасибо, коллеги. Наш круглый стол выполнил свою главную задачу. Мы освободили Иисуса из Назарета из двух ложных ловушек: консервативной ловушки Райта,

превратившей его в кабинетного теолога, и светской ловушки Вермеша, превратившей его в мирного социального терапевта.

Перед нами остался **подлинный исторический персонаж — апокалиптический пророк**. Он шел в Иерусалим не умирать покорным ягненком Исаии, а как космический Судья, готовый спровоцировать финал истории и принять удар на себя, веря в неминуемое маккавейское Восстановление. Он высек эту искру, запустив Первый эсхатологический шок. Но когда Небеса над Голгофой промолчали, а Сын Человеческий так и не явился на облаках, эта искра должна была угаснуть в безумном отчаянии учеников.

Движение Иисуса было обречено остаться мимолетной, разбитой иудейской сектой, если бы история не совершила свой второй, еще более сокрушительный вираж. Тот самый исторический свидетель, который помог нам сегодня разбить теорию Вермеша, — фарисей из Тарса, — вскоре сам окажется в эпицентре новой ментальной катастрофы. Столкнувшись с фактом, что распятый «преступник» жив, он испытает свой собственный, Второй эсхатологический шок, из осколков которого и родится христианский мир.

Мы закрываем заседание круглого стола. И переходим к человеку по имени Павел.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Апостолы: „Кто пойдет умирать за ложь?“

У Иисуса были многочисленные последователи, которые преклонялись перед ним и связывали свое будущее с его посланием. Ученики почитали Христа как Мессию, что по-видимому, и явилось главным основанием для его осуждения. Представления иудеев относительно сути мессианства в то время были разнообразны, но для большинства само слово «мессия», означающее «помазанник», предполагало что Мессия - будущий царь, который воссядет на троне Израиля подобно Давиду, великому царю прошлого.

Что действительно стало с разочарованными в своих ожиданиях, растерянными последователями Христа после распятия, сказать трудно. Большинство имен его первых учеников, упомянутых в канонических евангелиях, затем исчезает из новозаветной литературы. Позже, в период создания христианских произведений с их именами связываются различные евангелия, не признанные Церковью: евангелия от Филиппа, Петра, Иакова, Формы, Магдалины и др. Различные христианские легенды о деятельности отдельных апостолов начали складываться только во втором веке, когда разросшиеся христианские общины в разных городах стали утверждать, что они были основаны непосредственно учениками Иисуса.

Глава 8. Симон «Кифа», или Симон Петр

Самые ранние из сохранившихся текстов об Иисусе и его учениках свидетельствуют, что среди 12 учеников был внутренний круг из трех учеников, особенно близких Иисусу. В него входили Петр и два сына Зевведеевы- Иаков и Иоанн. Эти три рыбака из Галилеи занимали особое положение, сопровождая Иисуса даже в самые личные моменты его жизни, с ними он был особенно близок.

Следование за Иисусом в его земной жизни означало прежде всего принятие его послания о том, что грядет Царство Божие и люди должны не откладывая готовиться к его скорому наступлению. Симон и Андрей вместе с другими учениками оставили свои семейства и ушли с Иисусом. Развязка ожидалась близкой, люди должны были искать прежде всего Царства Божия, и тогда все остальное «приложится» им (Мф 6:33). Иисус говорил, что те, кто оставили «дом ... или отца, или мать, или жену, или детей, или земли...получат во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель а в веке грядущем жизни вечной. Многие же будут первые последними, а последние первыми». Он говорил, что последовавшие за ним воссядут " на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых" (Мк 10:29-31; Мф 19:28). Петр и др. ученики, по-видимому, приняли это послание. Какой же удар был ими испытан, когда все пошло не так, как планировалось!

Симон Петр безусловно, является самым известным учеником Иисуса. О Петре сохранились многочисленные предания, в том числе, собрания писаний, известных как «Деяния Петра», созданные примерно через 150 лет после того, как сам Петр сошел со сцены. Для нас эти источники важны тем, что отражают важные христианские идеи, верования, взгляды людей того времени. Поэтому в данном случае интерес представляют не научные исследования по отделению легенд от истории, а скорее, стремление людей донести именно эти повествования.

Среди двенадцати учеников Симон Петр занимает особое место как человек, чья судьба была соткана из глубоких внутренних противоречий. Традиция рисует его безусловным лидером, но за этим фасадом скрывается личность, постоянно колеблющаяся между искренней верностью Мечте Иисуса-Царству Божьему на земле и приземленным страхом перед реальностью. Петр оставил ради Иисуса всё: дом, семью, привычный галилейский промысел. Он поверил Учителю безоговорочно.

Имя Петр (камень) даровал Симону Иисус. Это имя Он дает ему, когда Петр отвечает на вопрос об истинной сущности Иисуса-«Ты-Христос, Сын Бога Живаго» (Мф 16:16): « Я говорю тебе: ты- Петр, и на камне сем Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф 16-17) В течение многих столетий толкователи спорили по поводу значения этих слов: действительно ли Петр является основанием (камнем) Церкви, как обычно утверждают католические теологи, или же сам Иисус Христос является ее основанием, как это утверждают многие протестанты.

Сквозь плотную завесу благочестивых легенд, в которых христианские рассказчики хотели прославить главного ученика Христа, "первоверховного" апостола, можно увидеть и другого Петра: нерешительного, вспыльчивого, ненадежного...

Именно Петр первым озвучил общую надежду общины, признав в Иисусе Мессию (Мк. 8:29). Но понимание мессианства у Петра оставалось сугубо земным, национальным. Когда Иисус говорит ученикам, что «Сыну Человеческому» предстоит пострадать, «*быть убиту и в третий день воскреснуть*» (Мк 8:31), именно Петр, который только что сказал, что Иисус — Христос, т.е. «помазанник», начинает прекословить, "исправлять" слова Иисуса. Петр ошибается настолько, что занимает позицию, прямо противоположную той, о которой говорит Иисус, и тогда возникает ответный упрек Учителя: «*Отойди от меня, сатана, потому что ты думаешь не о том, что Божье, но что человеческое*» (Мк 8:33). Реакция Петра в данном случае - очень человеческая: он хотел утешить, уберечь Иисуса: "*этого не должно и не может случиться с Тобою!*". Однако, своими словами Пётр невольно искушал измученную тоской и отчаянием

душу Христа, знавшего, что то, что ему предстоит претерпеть - по воле Бога. Вероятно, эти искушения - отдаться воле не Бога, а людей, став их земным царём, - мучили Иисуса, желание же Петра удержать его от предназначенной ему "чаши" было "не от Бога", оно противоречило его предназначению. Уступить - означало для Иисуса отдаться во «власть сатаны», но все это осталось непонятным Петру, как впрочем, и другим ученикам.

Импульсивный Петр вообще слишком часто говорил то, что «думает», и тут же на 180 градусов менял свое мнение на противоположное. Так, когда перед арестом Иисус показывая, как ученики должны действовать по отношению друг к другу, стал умывать им ноги, Петр, когда наступила его очередь, воскликнул: « Не умоешь ног моих вовек»! Но когда Иисус ставит его на место: «*Если не умою тебя, не имеешь части со мною*», Петр, как и прежде, как обычно для него, в полном непонимании Учителя делает резкий поворот назад: «*Господи! Не только руки мои, но и голову*» (Ин 13:1-11).

Но резче всего непостоянство Петра проявляется в его постыдном отречении от Иисуса. Перед этим событием он громко хвастает, что даже если все остальные покинут Иисуса, он один останется верным до конца. А когда Иисус отвечает, что Петр трижды отречется от него, Петр торжественно произносит самые лживые слова, которые можно представить, зная, как он повел себя на самом деле: « ***Хотя бы мне надлежало умереть с тобою, не отрекусь от тебя!***»(Мк 14:31). После ареста Иисуса Петр бесстыдно объявляет, что не знает Иисуса, боясь, что его причислят к числу его последователей. Все слова и действия Петра говорят о полной противоположности способности держаться твердо, даже не подобно камню, а просто как человеку достойному, стойкому, хранящему верность своему Учителю.

Однако после Воскресения Иисуса характер Петра резко меняется. Считается, что после ухода Христа с Петром произошло невероятное превращение из незначительного, нерешительного человека в гигантскую личность.

Петр как главный ученик Иисуса стал главой «столпов Церкви» на ранней стадии ее становления. Он был главным миссионером для иудейского народа, руководителем обращения иудеев в веру во Христа. Именно Петр начинает бесстрашно проповедовать собравшейся толпе в день Пятидесятницы, говорит об Иисусе, о смысле его смерти и Воскресения; результат - как утверждается в книге «Деяния», обращение трех тысяч иудеев. В течение первых 300 лет становления христианства Пётр был известен как человек, обладающий способностью творить захватывающие чудеса, приводившие в массовое обращение в христианство.

Тем не менее, непостоянство, ненадежность, вспыльчивость и амбициозность периодически возвращаются к нему. Из апокрифов и др древних текстов очевидна враждебность к Марии Магдалине со стороны Петра, на котором было несмываемое пятно отречения от Христа, как и со стороны и Павла, который вообще никогда не знал его. Это можно объяснить тем, что Мария имела не меньшее, чем они (а может, - большее), право на "лидерство в "партии". Сам же Пётр оказывает величайшую несправедливость, приписывая исключительно себе участие в событиях, связанных с Воскресением ("видение Петра"), в которых основная роль принадлежала именно Марии.

Другой пример, также характеризующий личность Петра, описан Павлом в послании к Галатам (2:11-12). В Антиохии Пётр незаметно "соскочил" с иудейских традиций и начал питаться с язычниками за общим столом. А когда об этом узнали иудеи, Пётр принял

вать своё застолье с язычниками, опасаясь их осуждения. Он перестал общаться с христианами-неиудеями и ел только с иудеями, соблюдая правила приема «чистой» пищи. Таким образом он старался и иудеям угодить и себя возвеличить в глазах язычников, на что Павел высказал справедливый упрек в лицемерии: либо Петр лицемерил прежде, либо теперь.

Ещё одна история о Петре описана в Деяниях (глава 5). Это история об Анании и Сапфире- супружеской чете, которая под влиянием апостолов примкнула к новой секте. Продав своё имущество, как и полагалось при вступлении в общину, они часть утаили и припрятали на чёрный день. Пётр каким-то образом узнал об этом и вспылал гневом за попытку „обмануть святого духа“. Выслушав громовые обличения Петра, Анания упал замертво. После слов Петра :*“ Вот входят в двери погребавшие мужа твоего; и тебя вынесут”*(5:9) -Сапфира также упала замертво к ногам апостола. Не исключено, что сказание об Анании и Сапфире - не плод народной фантазии, а один из примеров того, что и в легендах могут содержаться зёрна исторической правды. В каком же некрасивом свете предстаёт тут Пётр! Его совершенно не оправдывает утверждение, что он действовал по поручению оскорблённого "Святого духа" - Святого духа в роли гневного судьи, сеющего смерть. *„Ты солгал не человеку, а Богу“* - вещал Пётр. Но разве Учитель кого-нибудь карал смертью? -Нет, кроме неплодоносящей смоковницы из притчи, - никогда! Напротив, даже умирая на кресте в мучениях, он простил своих врагов. Почему же не была прощена эта ложь маленьких, запуганных людей, умерших даже не успев покаяться? Утверждение, что убийцей Анании был Бог, противоречит самому духу Нового Завета, получается, что в тот момент Бог забыл о Своем милосердии, не ожидал исправления и покаяния? А если ожидал, то кто не дал им даже шанса покаяться?

Результат этого "спасительного" урока верующим — «великий страх»: *"И великий страх объял ВСЮ ЦЕРКОВЬ и всех слышавших ЭТО"*. Супруги умерли "НАЗИДАТЕЛЬНОЙ" смертью.

И немного — о легендарной встрече с Христом, возвращающимся в Рим, чтобы снова быть распятым, и мученической кончине Петра. По легенде Пётр якобы осознав в словах Христа свою участь, возвращается в Рим, где был приговорён к кресту, причём по его просьбе — распят вниз головой, чтобы не уподобляться ему в смерти. Уже будучи распятым, Пётр читает проповедь о тайне „перевёрнутого креста“. Из анализа апокрифов и др материалов можно заключить, что эта легенда возникла гораздо позже, когда христианство уже стало государственной религией и крест стал почитаться его именем. Но есть и др. версия, хотя вероятно, столь же недостоверная. После своего мнимого „вознесения“ Пётр был разоблачён и схвачен самими христианами из его же „паствы“, когда под покровом ночи пытался покинуть Рим. В ту же ночь его и распяли в противопоставление Христу на перевёрнутом кресте вниз головой.. По другой версии, Пётр умер в Вавилоне своей смертью, а не занимался вместе с Римским правосудием выбором способов экзекуции.

Какой вывод можно сделать из послепасхального описания фигуры Петра в ранних сохранившихся первоисточниках? Почему люди запомнили эти, а не иные события?

Возможно, это объясняется тем, что в число последователей Иисуса входило множество людей самого разного типа и поведение Петра, его колебания были близки и понятны им. Легко желать быть верным, но трудно достигнуть этого. Легко давать обещания Богу- трудно выполнять их. Легко показывать религиозную бравату, когда все идет гладко, но трудно заплатить высокую цену, когда ситуация становится опасной. Но при этом Петр остается добросердеч-

ным и готовым угодить. О Петре можно сказать : дух устремлен ввысь, но плоть слаба. Это могут сказать о себе и своих близких многие , и неудивительно, что именно эти характеристики делают апостола особенно понятным и привлекательным для тех, кто хочет поступать праведно, но не всегда оказывается способным на это.

Несомненно, что Петр сыграл важнейшую роль в самом раннем христианском сообществе, во главе которого стоял он вместе с другим учеником Иисуса Иоанном и братом Иисуса Иаковом. Именно Ап.Петру, как и Ап. Павлу, принадлежит основная роль в распространении христианства путём обращения тысяч иудеев и язычников, что стало началом Церкви. . После смерти Иисуса Христа крошечная группа его последователей быстро умножалась , и огромная роль в этом принадлежит Симону Петру, который в полном смысле слова стал камнем , на котором построен фундамент христианской Церкви.

Глава 9.

Апостол Иоанн Богослов

Иоанн Богослов занимает в Евангелиях и церковных преданиях особое место среди учеников Иисуса Христа и почитается всеми христианскими церквями в лике апостола.

Иоанн был одним из двенадцати апостолов, который вместе с Петром и Иаковом, входил в узкий круг особенно близких и доверенных друзей Иисуса и присутствовал при важнейших событиях Его жизни.

Историчность апостола Иоанна Богослова как реального ученика Иисуса Христа и одного из лидеров ранней церкви признается большинством исследователей. Традиционно Иоанн считается автором пяти книг Нового Завета: Евангелия от Иоанна, трех Посланий и Откровения (Апокалипсиса). Некоторые ученые сомневаются в авторстве конкретных библейских текстов, но историческое существование самой личности Иоанна Богослова не подвергается сомнению.

Церковное предание указывает, что Иоанн родился и жил до встречи с Христом в Галилее, в городе Вифсаида на Тивериадском озере(Галилейском море). Он был сыном рыбака Зеввееда и Саломеи, которая согласно традиции, являлась дочерью Иосифа Обручника от первого брака, что делает Иоанна родственником (племянником) Иисуса. Согласно церковному преданию, Саломея была одной из жен-мироносиц, следовавших за Христом и служивших Ему. Брат Иоанна — апостол Иаков (Иаков Зеввеев, или Иаков Старший), позже ставший мучеником, также был одним из первых учеников, призванных Христом. Иоанн вместе с Иаковом до призвания Иисусом были рыбаками и работали вместе с Симоном Петром и Андреем. Возможно, что Иоанн и Андрей (Первозванный) ранее были учениками Иоанна Крестителя.

Первая встреча Иоанна с Иисусом состоялась, когда он и Андрей , стоявшие рядом с Крестителем, услышали его слова о проходившем мимо Иисусе: «вот Агнец Божий »(Ин. 1: 36) и пошли вслед за Ним.. После первой беседы Андрей сразу же побежал к старшему брату, Симону, и объявил: «*Мы нашли Мессию*» (Ин. 1:38- 41). Признание «Нашли Мессию» означает, что они сразу и безоговорочно признали в Иисусе того самого Царя-Мессию , Освободителя народа от рабства .

Другая встреча произошла, когда «равви» шел не один, а в окружении большой толпы людей , которые старались прикоснуться хотя бы к краю его одежды, просили, чтобы он их исцелил, сотворил чудо. Иисус заметил на берегу пустую лодку, принадлежащую Симону, старшему брату Андрея, и вошел в нее, чтобы говорить с народом. Среди тех, кто слушал Христа, были Зеввеед и два его сына — Иаков и Иоанн. Иисус позвал следовать за собой Симона и его брата Андрея, сказав таинственные слова : «*Я сделаю вас ловцами человеков*» , и они тотчас, оставивши сети, последовали за Ним. Увидев других двух братьев, Иакова и Иоанна в лодке с отцом их, чинивших сети, Иисус призвал их. «*И они тотчас, оставивши лодку и отца своего, последовали за Ним*»(Лк.5:1–11; Мк.1:16; Мф.4:18–22). Так обращение Иисуса к Иоанну и его брату Иакову , как и к братьям Симону и Андрею, решило бесповоротно судьбу этих рыбаков. Из Евангелия не видно, чтобы они заходили непосредственно после этого домой

посоветоваться с родственниками о своем решении всегда следовать за Христом, они сразу оставили ВСЕ, что было им дорого, чем жили до своего призвания. С этого мгновения Иоанн с другими учениками три года будет повсюду следовать за своим любимым «равви»- Учителем..

Ни один новозаветный писатель не сообщает , сколько лет было Иоанну, когда он призван был Христом в число его постоянных учеников. Принимая во внимание то обстоятельство, что Иоанн дожил до времен императора Траяна(правление: 98-117 г.), время его избрания в число постоянных учеников Иисуса можно приблизительно относить к двадцатому году его жизни и не далее двадцать пятого.

Известно, что Иоанн намного пережил всех остальных апостолов, оставаясь единственным живым свидетелем жизни Иисуса.

Хотя ап. Павел в Послании Коринфянам (9:5) намекает на возможность того, что у других апостолов были жены , которых они оставили, пойдя за Иисусом, нет никаких свидетельств, что Иоанн когда-либо был женат, напротив, в преданиях говорится, что он всю жизнь был девственником и соблюдал целибат.

Апостолы Иоанн , Петр и Иаков, брат Господень (Иаков Праведный) занимали ключевые, руководящие позиции в ранней Иерусалимской церкви после смерти Христа. Иоанн в это время стал правой рукой деятельного, часто выступающего перед народом апостола Петра: вместе они шли к месту проповеди, вместе предстали перед судом, вместе сидели в темнице. Апостол Павел называет Иоанна вместе с Петром и Иаковом, братом Иисуса, «столпами» Иерусалимской церкви (Гал. 2:9).

Апостол Иоанн Богослов ,традиционно отождествляемый с «другим учеником»,неоднократно упоминаемом в евангельских текстах,имел личное знакомство с первосвященником,хотя исследователи спорят, идет ли речь об апостоле Иоанне или другом человеке .

Когда Иисуса вели на суд, за Ним следовали Пётр и «другой ученик».: «Симон же Петр и другой ученик следовали за Иисусом; ученик же сей был знаком первосвященнику и вошел с Иисусом во двор первосвященнический».Именно благодаря этому знакомству Иоанн смог пройти во двор первосвященника Анны, а затем вывел туда Петра. Тот факт, что ученик Христа смог войти, а затем свободно говорить с привратницей, указывает на его известность или даже определенный статус в этом доме, где все слуги не только знали его лично, но знали еще, что он один из ближайших учеников Иисуса Христа. Это доказывается вопросом привратницы Петру: *«разве И ТЫ ученик сего человека?»*, подразумевая в словах "разве и ты", находившегося уже на дворе другого ученика(Ин 18:16).

Вероятно, семья Иоанна была зажиточной. Отец Зеведей имел наемных работников (Марк 1:19–20) , что говорит о наличии собственного успешного рыболовного бизнеса. Возможно, он занимался поставкой рыбы в Иерусалим, что могло дать ему контакты в кругах священников. Существует также предположение, (включая толкования, основанные на генеалогических связях),что семья Иоанна могла быть связана с Иерусалимским храмом.Иоанн мог иметь родственные связи со священническим родом или знал первосвященника через своего дядю Захарию (отца Иоанна Крестителя), который служил в Храме, где Анна и Каиафа занимали высшие должности.Некоторые исследователи считают, что этот «другой ученик» мог принадлежать к священническому роду или быть известным в аристократических кругах

Иерусалима, что позволяло ему находиться в непосредственной близости к храмовой элите в критические моменты. Если «другим учеником», имевшим родство или иную связь с первосвященником, действительно был Иоанн, он мог получать информацию от людей, симпатизировавших Иисусу, о том, что Каиафа и первосвященники готовят заговор против Иисуса и пр. Из Евангелия Иоанна можно предположить, что апостол Иоанн Богослов, вероятно, присутствовал при аресте и суде над Иисусом, так как он описывает этот процесс наиболее подробно. Иоанн приводит уникальные детали диалога Христа и Пилата (напр., Ин. 18-19), что указывает на его возможное нахождение в претории. Он подчеркивает философский и духовный характер этого разговора, а не только политический...

Христос дал Иоанну и его брату Иакову имя «Сыны Грома» (Воанергес), что символизировало их огненный характер и пламенную ревность (Мк.3:17). Эта ревность однажды так резко обнаружилась, что вызвала даже упрек со стороны Иисуса. Они шли в Иерусалим на праздник Кущей. Прямой ближайший путь лежал через Самарию. Но в первом же Самарянском селении не хотели принять Христа, и ревностная любовь Иакова и Иоанна к Учителю не вынесла такого оскорбления Ему. *«Господи, – воскликнули они, – хочешь, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как это сделал и Илия?»* Но Иисус с упреком остановил их, дав им понять, что в них вместе с ревностью говорит и оскорбленное самолюбие (Лк.9:51–56). Запретив это делать, Он сказал, что *«Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать»*. (Лк. 9: 55–56).

В Евангелии описан следующий весьма красноречивый эпизод. Как-то к Иисусу подошла мать Иакова и Иоанна — Саломия, которая тоже ходила вместе с ними, и, кланяясь, обратилась с просьбой, которую даже не сразу смогла толком объяснить. *«Чего ты хочешь?»* — спросил Иисус. Тогда Саломия показала на своих сыновей и попросила, чтобы в Царствии Небесном они сели ближе всех к Иисусу: один по правую Его руку, а другой — по левую. Любящая мать решила заранее похлопотать, чтобы сыновьям и там было хорошо. (Мф 29: 20-28).

В Евангелии от Марка этот разговор описан несколько иначе. Не Саломия, а сами братья обращаются к Иисусу, издали подступая к своей, как они сами понимают, не вполне обычной просьбе:

«Учитель! Мы желаем, чтобы Ты сделал нам, о чем попросим... Дай нам сесть у Тебя, одному по правую руку, а другому по левую в славе Твоей».

«Не знаете, чего просите...» — сказал Иисус и пояснил, что места в Царствии Небесном не от Него зависят: там все сядут, как кому уготовано» (Мк. 10: 35-40).

Услышав об этой просьбе, десять остальных учеников, как пишет евангелист Марк, возроптали на братьев Зеведеевых. Тогда-то и прозвучали слова Иисуса, что тот, кто хочет быть главным, — пусть станет всем слугой, а стремящийся к первенству — пусть будет для всех рабом).

В этом эпизоде поражает абсолютное непонимание Иисуса учениками. Весь вышеописанный разговор о том, какие почетные места они займут в Царстве Божием, состоялся на пути в Иерусалим, после рассказа Христа ближайшим ученикам о том, что ожидает Его в Иерусалиме, где будет Он *«предан язычникам на поругание и биение и распятие и в третий день*

воскреснет» (Мф 20:18-20).. Но они будучи во власти своих честолюбивых мечтаний, не услышали, или не желали слушать, а может, неспособны были понять Его...

Из двенадцати апостолов семь или восемь совершенно ступеньются после смерти Иисуса. Выше упоминалось о таинственном «другом ученике», который традиционно отождествлялся с ап Иоанном. Согласно церковной традиции, апостол и евангелист Иоанн из скромности так писал о самом себе.

Предполагается, что «тот, который написал сие» (Ин. 21: 24) Евангелие, был единственным, кто остался в Гефсиманском саду, когда Христа взяли под стражу и все другие апостолы в страхе разбежались (Мф. 26:56).

Куда бежали девять Апостолов — неизвестно, но двое, Петр и «другой ученик» (предположительно-Иоанн), если и оставили Иисуса, то все-таки не решились далеко уйти от него и издали стали следить за удалявшимся отрядом; потом пошли следом за ним, хотя и в некотором отдалении, и так дошли до Иерусалима...

Согласно Евангелию Иоанна, *«при кресте Иисуса стояли Матерь Его и сестра Матери Его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина. Иисус, увидев Матерь и ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Жено! се, сын Твой. Потом говорит ученику: се, Матерь твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе...»*

На Иоанна была возложена Христом важная миссия — забота о Его Матери, которую он опекал до самой смерти, после чего навсегда покинул Иерусалим.

По преданию, когда ученики Христа готовились идти с миссионерской проповедью в разные части света и тянули жребий, апостолу Иоанну досталась Малая Азия, и теперь для него пришло время исполнить свою миссию...

Некоторые исследователи считают, что из Эфеса апостолы довольно скоро перебрались в Рим, откуда во время гонений Нерона апостола Иоанна сослали на остров Патмос.

Другие — а их все же большинство — придерживаются версии, что апостол Иоанн был отправлен в ссылку на Патмос гораздо позже, во время правления римского императора Домициана (правление 81-96 г.), значит, до этого он почти тридцать лет мирно жил в Эфесе.

В Эфесе апостол Иоанн пережил событие, которое ни оставило равнодушным ни одного еврея, в каком бы уголке земли он ни находился: восстание в Иудее и гибель Иерусалимского храма. Святыня евреев была разрушена римлянами, на месте Храма остались обугленные руины. Иерусалимский храм сгорел 10 августа 70 года — в тот самый день, что и несколько веков назад, когда был разрушен первый Иерусалимский храм, захваченный Навуходоносором.

Апостола Иоанна арестовали и привезли на суд в Рим, а во время суда подвергали побоям и истязали. По преданию, его приговорили к смерти через отравление, но апостол Иоанн выпил яд и остался невредим. И все сразу же вспомнили легенду о его бессмертии...

... Когда Воскресший Христос появился на берегу Галилейского моря, "ученик, которого любил Иисус" (Ин. 21: 7), первым узнал своего «равви» и сказал Петру: *"это Господь"* (Ин. 21: 7). Во время той трапезы на берегу, когда апостол Петр был прощен и услышал о своем будущем, он спросил Иисуса: а что ждет Иоанна?

"Если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того?" (Ин. 21: 22) — прозвучало в ответ. Эти слова были истолкованы так, что Христос даровал Иоанну бессмертие, и Его «любимый ученик» никогда не умрет. ...

Так, Иоанна приговорили к «вечному изгнанию» на отдаленный пустынный остров Патмос., который в то время был римской колонией. К тому времени все остальные ближайшие ученики Христа уже завершили свой земной путь. Апостолы Петр и Павел были казнены в Риме, Андрей пострадал на кресте в греческом городе Патры, Фома — в далекой Индии. В живых остался только апостол Иоанн, и многие думали, что его на самом деле никогда не коснется смерть.

В 96 г после смерти Домициана Апостол Иоанн и его верный ученик Прохор вернулись в Эфес, где с радостью были встречены христианами. В это время епископом Эфесской Церкви был Тимофей, любимый ученик Павла, который с большим благоговением относился к тому, «кого любил Иисус» (Ин. 13: 23). В Эфесе апостол Иоанн поселился в том же самом доме, где жил до ссылки, и прожил в нем до самой кончины. В этот период он напишет еще одно величайшее произведение — Евангелие от Иоанна.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИОАННА

Исторический Иоанн прожил долгую жизнь, застав времена, когда Иерусалим был уже стерт легионами Тита. Четвертое Евангелие, носящее его имя, радикально отличается от синоптических текстов. Оно создавалось на исходе первого века в эллинистическом Эфесе, когда стало очевидно, что Конец истории задерживается. Иоанн совершает колоссальный шаг: он переводит проповедь Иисуса с семитского языка на язык греческой философии.

По преданию, Иоанн стремился восполнить то, о чем не сказали евангелисты Матфей, Марк и Лука. По сравнению с синоптическими Евангелиями, произведение Иоанна Богослова представляет наивысший уровень христологии, описывая Иисуса Христа как Спасителя человечества в качестве вечного Логоса, который находится у истоков и в начале всех явлений. Отличие четвертого Евангелия от трех других проявляется в описании многих важных событий и фактов, некоторые из которых указываются ниже.

Апостол Иоанн уделяет особое внимание служению Иисуса Христа в Иудее, другие евангелисты — в Галилее и ее окрестностях. За время общественного служения Иисуса Христа согласно Иоанну, было три праздника Пасхи, на четвертую Он был распят. Следовательно, его служение продолжалось три с половиной года. В синоптических Евангелиях (от Матфея, Марка и Луки) упоминается только одна Пасха, во время которой Иисус был распят, и продолжительность общественного служения Иисуса Христа обычно оценивается в один год (или чуть менее одного года).

В синоптических Евангелиях Иисус говорит краткими афоризмами и притчами о Царстве Божьем и скрывает свою миссианскую сущность. У Иоанна он произносит длинные философские монологи, постоянно говорит о своей божественности и предвечном существовании («Я есмь») и раскрывает таинства веры (например, беседа с Никодимом о рождении свыше, о таинстве искупления, таинстве Причащения и др.), что может свидетельствовать о более поздней, развитой теологии.

Иисус, Иоанн Креститель и сам автор Евангелия говорят в абсолютно одинаковой манере и используют одни и те же специфические греческие обороты, что указывает на то, что автор вкладывает в уста персонажей собственные теологические размышления.

Иоанн постоянно использует термин «Иудеи» в негативном ключе как обозначение враждебной монолитной группы. Для Иисуса и его учеников, которые сами были иудеями, такое противопоставление было невозможно. Это отражает ситуацию конца первого века, когда христиан уже изгнали из синагог (Ин. 9:22), и община Иоанна начала отделять себя от еврейского народа.

Евангелие от Иоанна представляет образ Иисуса Христа, который, не имеет почти ничего общего с Иисусом синоптиков. Различия так существенны, что у нас есть все основания спросить, кто же, в конце концов, говорит правду. Если правду говорят Марк, Матфей и Лука, то Иоанн не может говорить правды, и наоборот.

Иисус в изображении синоптиков и в Евангелии от Иоанна

Иисус синоптических евангелий - личность вполне реальная, наделенная всеми чертами живого человека. Он редко и, пожалуй, неохотно говорит о себе и никогда не высказывается определенно - мессия ли он. В этом вопросе Иисус так сдержан и таинствен, что приказывает молчать и ученикам своим, когда они выражают уверенность в том, что Он - Сын Божий.

Насколько не похож на этот образ Иисус в Евангелии от Иоанна! Уже Иоанн Креститель признал в нем Сына Божьего и заявил, что недостойн развязать ремень у обуви его. Когда он увидел идущего к нему Иисуса, он сказал: "Вот агнец божий, который берет на себя грех мира".

Иисус у Иоанна отнюдь не отказывается от публично приписываемых ему свойств, которые возносили его над смертными. На каждом шагу Он подчеркивает, что он — Сын Божий, и не оставляет никаких сомнений относительно того, кто и зачем прислал его на землю. Автора четвертого евангелия не интересуют исторические факты, он стремится доказать божественное происхождение Иисуса, защитить эту свою точку зрения от нападок маловеров и выразить радость по поводу того, что Бог через посредничество своего Сына дарует человечеству вечную жизнь. В трактовке Иоанна Иисус-образ почти нематериальный, скрытый таинственной завесой мистики, созданный с единственной целью: проповедовать определенные богословские доктрины. В Евангелии от Иоанна Иисус, говоря о себе, выражается загадочными, мистически звучащими метафорами, смысл которых нелегко разгадать. : *"Я свет миру", "Я дверь овцам", "Я есмь пастырь добрый", "Я есмь истинная виноградная лоза", "Я не от сего мира", "Я хлеб жизни"* и т. д. Ясно, что все это - стилистические находки, используемые членами древних христианских общин, вложенные автором Евангелия в уста Иисуса, чтобы окружить его

нимбом божественности. Эпизоды из жизни Иисуса, трактуемые у синоптиков как подлинные исторические факты, в Евангелии от Иоанна играют совершенно иную роль: они лишь предлог для выражения какой-нибудь теологической доктрины.

У Иоанна Иисус- это образ святого, далекого от мирских дел, почти полностью лишённого человеческих черт. Он говорит сентенциями, полными красочных метафор, и тема его высказываний - только великие, вечные истины. Пытаясь убедить в божественном происхождении Иисуса, Иоанн лишает его земных черт и создает ходячий символ, воплощение определенных теологических концепций, а не человека из плоти и крови, каким предстает Иисус в Евангелиях синоптиков.

Вопрос об авторстве Евангелия от Иоанна

С середины второго столетия утвердилось мнение, что автор четвертого Евангелия - апостол Иоанн, галилеянин, промышлявший вместе с отцом и братьями рыбной ловлей на Тивериадском озере и ставший учеником Иисуса, одним из Двенадцати избранных. Этой точки зрения придерживались церковные писатели Папий, Климент Александрийский и Ориген. Согласно их утверждениям, четвертое евангелие написано очевидцем и поэтому представляет собою достоверный исторический документ. В поддержку этого тезиса они выдвигали следующие аргументы. О судьбе Иоанна после смерти Иисуса сообщают внебиблейские источники. Он будто бы странствовал из города в город, выполняя свою апостольскую миссию, и наконец, после многолетних скитаний и пережитых злоключений, поселился в Эфесе. Что касается заметного в Евангелии влияния греческой философии, то его легко объяснить многолетним пребыванием Иоанна в Эфесе, где велись бесконечные философские споры и дискуссии. Сторонники авторства апостола Иоанна приводят также ряд текстовых доказательств. И наконец, как они утверждают, судя по реалистическим описаниям апостолов, можно, пожалуй, не сомневаться, что он был с ними лично знаком.

Однако, эти доводы убеждали не всех. Уже во втором веке находились христиане, сомневавшиеся в авторстве апостола Иоанна. С начала девятнадцатого века библеисты исследуют этот вопрос с помощью научных методов и все больше склоняются к выводу, что автором евангелия не мог быть рыбак с Тивериадского озера. Аргументацию против авторства Иоанна можно вкратце свести к следующим пунктам. Критики считают, что текст Евангелия от Иоанна был написан для нужд конкретной общины в Эфесе, где исторические факты были глубоко переработаны ради символического и догматического смысла. Это произведение написано на философском греческом языке (койне) с глубокими теологическими конструкциями. Использование таких понятий, как «Логос», «Свет/Тьма», «Правда/Ложь», слишком близких к терминологии гностических учений второго века, ставит под сомнение связь текста четвертого Евангелия с палестинским иудаизмом 30-х годов и авторство текста, приписываемое галилейскому рыбаку, человеку «некнижному и простому», как его описывают «Деяния» (4:13). В самом тексте Евангелия нет прямого указания на то, что его написал апостол Иоанн. Ссылка на «любимого ученика» (Ин. 21:24) появляется лишь в последней главе, которая, как считают многие ученые, была добавлена позже. Теоретически под образ «любимого ученика» может скрываться другой человек, знакомый с традицией, или собирательный образ идеального ученика Иисуса.

Имя Иоанна появляется только к концу второго века у Иринея Лионского («Против ересей» 3.1.2). Первые поколения христиан не связывали этот текст с апостолом. Некоторые ранние церковные историки (например, Евсевий Кесарийский) упоминали, что в Эфесе жил другой Иоанн — «Иоанн Пресвитер» (старец), и многие исследователи считают, что именно он (или его община) мог быть автором, а позже его смешали с апостолом Иоанном, сыном Зеведея.

Иисус в Евангелии от Иоанна говорит и действует иначе, чем в Евангелиях от Матфея, Марка и Луки. Высокая христология (акцент на божественности) и длинные теологические монологи кажутся исследователям плодом позднего развития богословской мысли, а не прямым свидетельством очевидца. Многие современные ученые полагают, что текст был составлен не одним человеком, а является результатом деятельности «Иоанновской школы» (общины в Эфесе), которая оформила устные и письменные предания, восходящие к какому-то очевидцу, возможно, «любимому ученику», но не обязательно к самому апостолу Иоанну.

Считается установленным с полной достоверностью, что четвертое евангелие было создано в 95 - 100 годах нашей эры, то есть спустя 65 - 70 лет после смерти Иисуса. В каком же возрасте был тогда апостол Иоанн? Если предположить, что в период общения с Иисусом ему было лет 19 - 25, то, значит, Евангелие он написал 85 - 95-летним стариком. Вызывает сомнение, мог ли автор, если он был современником Христа, сохранить ту точность деталей, которую передает четвертое Евангелие.

Последнее из канонических Евангелий, которое мы называем Евангелием от Иоанна, скорее всего, вышло из среды самобытной философско-мистической школы, которая первоначально состояла из евреев, а впоследствии была изгнана из синагоги, подвергнута остракизму и набрала в свои ряды изрядное число язычников.

«Возлюбленный ученик»

Современный текст четвертого Евангелия несёт на себе отпечаток внутреннего противоречия: с одной стороны, высокая философия и мистика, исполненная любви к Богу и ближнему, с другой стороны — тяжёлый конфликт с синагогой и иудаизмом. По всей видимости, у истоков этой школы стоял один из непосредственных учеников Иисуса. Возможно, что в Евангелии он скрывается за кодовым обозначением «Любимый Ученик». Мы не знаем, кем он был в реальности, позднее предание считало его Иоанном Зеведеевым. Возлюбленный ученик Иисуса, которого Он особенно выделял из числа Двенадцати, упоминается в нескольких евангельских текстах. В частности, в стихах о Тайной вечери (Ин. 13:23-25) говорится об «ученике, которого любил Иисус» и который «возлежал у груди Иисуса». Встречается упоминание о «возлюбленном ученике» и в других отрывках, однако единственное указание на его личность находится в Евангелии от Иоанна: *„Сей ученик и свидетельствует о сём, и написал сие; и знаем, что истинно свидетельство его“* (Ин 21:24)

Предполагается, что этот ученик был совсем молодым последователем Иисуса и, возможно, учеником Иоанна, принадлежавшим к Иерусалимской аристократии. Евангелие от Иоанна явно противопоставлено синоптической традиции, где господствует фигура Петра. Понятно, что те исследователи, которые хотели положить в основу веры прообразующую силу «божественного сознания» Иисуса, опираются именно на это Евангелие.

В современных библейских исследованиях, помимо традиционного отождествления «возлюбленного ученика» упоминаемого в Евангелии от Иоанна с апостолом Иоанном Богословом, существует несколько альтернативных теорий. Вот основные претенденты на эту роль.

Популярная современная альтернативная теория считает что «любимым учеником» Иисуса мог быть Лазарь из Вифании. Основными аргументами авторы, придерживающиеся этой теории, считают следующие. В Евангелии от Иоанна (11:3, 5, 36) прямо сказано, что Иисус любил Лазаря. «Возлюбленный ученик» появляется в повествовании только после воскрешения Лазаря. Лазарь был из Иудеи (близ Иерусалима), что объясняет фокус Евангелия Иоанна на иудейском, а не галилейском служении. Слухи о том, что этот ученик не умрет (Ин 21:23), могут быть связаны с тем, что Лазарь уже один раз воскрес.

Некоторые исследователи предполагают, что возлюбленный ученик — это евангелист Иоанн Марк, который мог быть членом общины, создавшей Евангелие от Иоанна, и очевидцем событий, но не входил в число Двенадцати апостолов.

Джеймс Чарльзворт, выдающийся американский библеист, эксперт по Новому Завету и Кумранским рукописям, считает, что «возлюбленный ученик» — это Фома (Близнец), так как в Евангелии от Иоанна он играет важную роль того, кто удостоверяет истинность Воскресения, а слово «близнец» (Didymus) может указывать на то, что он был «близким» к Иисусу.

Эрнест Ренан, а также некоторые современные исследователи, опирающиеся на гностические тексты, такие как Евангелие от Филиппа или Евангелие от Марии, предлагают как кандидатуру «любимого ученика» Марию Магдалину как ученицы, наиболее понимавшей Иисуса. Иоанн Пресвитер, о котором упоминалось ранее, также рассматривается некоторыми учеными как «любимый ученик», автор четвертого Евангелия.

Согласно одной из распространенных версий, безымянный «Любимый ученик» был не историческим персонажем, а просто символом идеального ученика. Видный немецкий библеист, автор широко известных комментариев к Новому Завету, Юрген Ролофф [нем.] считает, что Евангелие от Иоанна зародилось в замкнутой общине, основателем которой мог быть ученик Христа, однако непосредственного автора этого Евангелия свидетелем не признаёт в силу исторических нестыковок.

В настоящее время консенсуса в научной среде нет, тайны четвертого Евангелия не разгаданы и теория об Иоанне сыне Зеведеевом остается основной, хотя и оспариваемой.

По Матфею и Марку, при распятии присутствовали лишь галилейские женщины, неразлучные спутницы Иисуса; Лука присоединяет к ним "всех знакомых Иисуса", что противоречит двум первым Евангелиям. Эта группа верных друзей держится "в отдалении" от креста и не разговаривает с Иисусом. Четвертое Евангелие прибавляет к этому три существенные подробности: 1) Мария, мать Иисуса, присутствует при распятии; 2) присутствует также и Иоанн; 3) все стоят у подножия креста, Иисус говорит с ними и вверяет свою мать своему любимому ученику.

Распятие было инструментом устрашения и публичного позора. Римские караулы обычно не подпускали близких родственников к осужденным «врагам государства», чтобы избежать беспорядков или попыток облегчить страдания умирающего. Стоять прямо у подножия креста было физически и юридически почти невозможно.

Знаменитый немецкий философ, историк, теолог и публицист, автор книги «Жизнь Иисуса» Давид Штраус пишет: *"Гораздо труднее понять, каким образом затерялись данные о присутствии Марии у креста и о трогательной сцене, в которой Иисус завещает Иоанну свои сыновние обязанности, нежели то, что все эти подробности родились в самом кружке, в котором слагалось четвертое Евангелие. Припомним, что в этом кружке апостол Иоанн пользовался особенным уважением, и доказательство тому мы видим в том старании, с которым четвертое Евангелие выдвигает его вперед из числа трех более близких друзей Иисуса, для того, чтобы представить его как единственного апостола, которого Иисус горячо любил; можно ли было придумать более верный*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.